

КАРИНА
РЕЙН

Заноза

Карина Рейн
Заноза
Серия «Настоящие чувства»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785818
0101*

Аннотация

Моей тихой и спокойной студенческой жизни пришёл конец в тот день, когда меня взяли на подработку в частном доме. Кто же знал, что у моей хозяйки окажется такой невыносимый внук! И всё-то ему во мне не нравится – особенно моё присутствие в доме. Да ещё невеста его стала волком смотреть в мою сторону... Я, как могла, старалась избегать любых контактов с ним, но у жизни, кажется, были другие планы...

Содержание

1	4
2	13
3	24
4	35
5	52
6	63
7	73
8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Заноза

Автор: Карина Рейн

1

– Нервничаешь?

Близняшки Лика и Ника вопросительно уставились на меня, пока я пыталась собрать в хвост непослушные короткие волосы, норовящие влезть в глаза. Вообще-то, я наоборот радовалась, хотя кое-какие сомнения всё же были. Я пыталась устроиться на работу с тех пор, как перешла на четвёртый курс университета, но это оказалось не так-то просто – даже при том, что я иду на красный диплом. Мне почему-то всегда казалось, что отличная учёба – это уже восемьдесят процентов гарантий того, что найти нормальную работу по специальности не составит труда, да не тут-то было: сейчас мало кого волнуют твои оценки – всем нужен опыт работы.

А где его взять студенту?

– Пятьдесят на пятьдесят, – задумчиво ответила я. – Если меня и сюда не возьмут, то я не знаю...

Об этой работе я узнала совершенно случайно, когда пришла в частную фирму по найму. Стать на биржу я не могла, потому что с точки зрения дурацкого закона учёба считается трудовой деятельностью – ещё бы будущие потенциальные

работодатели об этом знали! – а значит, в пособии не нуждаюсь. Так что я обратилась туда, где мне могли подыскать хотя бы какую-то подработку; через несколько месяцев у меня защита диплома – пора уже подумать о самостоятельности!

Но главная причина, конечно же, была не в этом.

– Удачи! – перебила мои мысли Лика, а Ника продемонстрировала скрещенные пальцы.

Благодарно киваю и покидаю уютную квартиру своих подруг, которая в последнее время всё чаще становилась и моим убежищем тоже.

На улице светило солнце, и я невольно улыбнулась: сегодня точно должен быть отличный день! Перепроверив адрес на блокнотном листе, куда мне его с сомнениями вписала работница фирмы, потопала в сторону автобусной остановки, подставляя ладони тёплым лучам. На дворе стоял апрель, и я отнеслась к этому как к предзнаменованию; подобно тому, как весной всё распускается и расцветает, так и я чувствовала начало новой главы своей жизни.

Надеюсь, она начнётся с приёма на работу.

Даже когда в битком набитой маршрутке увесистая дама наступила мне на ногу, я только улыбнулась на её извинения – сегодня ведь такой хороший день. За окном проплыли жилые многоэтажки, торговые центры и парки, а после их сменила спокойная обстановка пригорода: высокие сосны и изредка попадавшиеся частные домики. В этом районе я прежде никогда не бывала, но немного о нём слыша-

ла; к тому же, перед тем, как отправиться в дорогу, я внимательно изучила местность с помощью Гугл-карт, так что заблудиться не должна. На нужной остановке покидаю душное нутро маршрутки и с интересом осматриваюсь, недоумённо разглядывая близстоящие дома.

Я точно приехала, куда нужно?

Сверяюсь с адресом и снова открываю карты, которые развеивают мои сомнения: до нужного дома осталось чуть больше сотни метров. Неуверенно иду вперёд согласно маршруту и прокручиваю в голове нашу беседу с работницей фирмы – может, она так надо мной подшутила? Когда я услышала, что женщине преклонного возраста требуется компаньонка, то представила себе небольшую многоэтажку где-нибудь в спальном районе, которая осталась совсем одна и коротает время в компании нескольких кошек. А тут – элитный район, в котором и дом-то наверняка непросто приобрести, так что вряд ли женщина такого уровня будет иметь что-то общее с той картинкой, которую я успела нарисовать в своей голове.

Из-за высокого забора из натурального камня с коваными элементами сверху мне видна лишь крыша и небольшой кусочек стены. Вот это безопасность... Но адрес на табличке у ворот совпадал с тем, что был написан на моём листочке, так что я нажимаю кнопку звонка. Некоторое время ответом мне служит тишина, и, сомневаясь, уже готовая развернуться и уйти, но тут оживает динамик домофона.

– Да?

Голос оказался женским, но не вязался с образом, ибо прозвучал очень жёстко и сухо; по позвоночнику пробегает россыпь мурашек, но я прокашливаюсь и подаюсь ближе.

– Добрый день. Я из службы по найму. Мне сказали, что...

Ворота распахиваются ещё до того, как я успеваю договорить, но меня не нужно просить дважды, так что я быстренько юркаю за них. Ступаю на территорию внутреннего двора, и мой рот распахивается от увиденного – да это же самый настоящий дворец! Дорожки во внутреннем дворе были выложены брусчаткой, аккуратно подстриженные кусты, ухоженные клумбы с розами, а сам дом был способен потрясти любое воображение.

«И зарплата здесь наверняка будет достойная», – вклинивается в мысли настырный внутренний голос.

Увы, мне, как студентке, приходится быть меркантильной.

Подхожу к тяжёлым двойным дверям как раз в тот момент, когда они распахиваются, и на пороге я вижу женщину в белом переднике. Навскидку ей было около сорока; от уголков её глаз разбегались лучики морщин, в то время как сами глаза казались потухшими, на лбу залегли складки, будто она постоянно о чём-то размышляла, а линия рта была очень жёсткой и тонкой. Она придирчиво осмотрела меня с ног до головы и, кажется, осталась неудовлетворённой увиденным, потому что, высокомерно хмыкнув, поворачивается ко мне спиной.

– Следуйте за мной.

Пожимаю плечами – и чем ей мои джинсы не угодили? – и вхожу внутрь, с благоговением залипая на местную обстановку: вот это мне повезло вовремя начать работу искать! Несмотря на размеры дома – тут точно смог бы поместиться весь мой факультет! – каждый сантиметр пространства сиял чистотой и свежестью. Здесь наверняка трудился целый штат прислуги, и хозяевам явно было мало, раз они собирались нанять ещё одного человека, хотя у меня, по сути, будет немного другая функция, насколько я понимаю значение слова «компаньонка».

Меня ведут на второй этаж, и я не сдерживаюсь от восхищённого вздоха, рассматривая хрустальную люстру, за что получаю неодобрительный взгляд женщины. Приходится взять себя в руки и пообещать провести себе экскурсию после того, как начну тут работать – это же наверняка не запрещено. На площадке второго этажа вижу целых три небольших коридора; мы сворачиваем налево и останавливаемся перед третьей светлой дверью со вставкой из матового стекла. Тихо постучав, женщина приоткрывает дверь, просовывается внутрь и что-то говорит, и, видимо, получив разрешение, пропускает меня внутрь. В этот раз моё любопытство прячется где-то, потому что передо мной вовсе не старушка, которой нужна помощница, а мощная мужская фигура, затянутая в деловой костюм.

Я всё-таки что-то напутала? Потому что этот человек не выглядел так, словно ему требовалась помощь; даже наобо-

рот – кажется, это мне она скоро понадобится, ибо от его взгляда, когда он повернулся, у меня задрожали колени. Опять этот придиричивый оценивающий взор, и я понимаю, что проверку снова не прошла. По моей оценке выглядела я нормально: голубые джинсы, синяя водолазка, белые кроссовки и кофейное пальто до колен – но здесь все были явно другого мнения. Может, мне стоило одеть вечернее платье и туфли-лодочки, которые я купила для выпускного, и одолжить у девочек шубу?

– Алина, верно? – сухо поинтересовался... мужчина – почему-то сложно было угадать его возраст... – заглянув в записную книжку.

Я кивнула и стиснула в ладони сложенный листочек, словно он способен был мне помочь.

– Здравствуйте, – тихо поздоровалась.

В ответ мне только указывают на стоящий неподалёку стул, в который я не спешу садиться – не хочу ощущать себя маленькой и незащищённой.

– У вас есть какие-то рекомендации? Вы вообще прежде работали чьей-либо компаньонкой или сиделкой?

С первого же вопроса я почувствовала запах проблем, но просто так сдаваться не собиралась.

– Я всё ещё студентка, учусь на четвёртом курсе, – ответила ровно, даже не смотря на усмешку стоящего передо мной. – Но у меня специальность «Психология служебной деятельности», так что я...

– По-вашему, это смешно? – мрачно перебил меня. – Мне нужен первоклассный специалист, на которого я смогу положиться в вопросах помощи и ухода за моей бабушкой, а не студентка-идеалистка.

– Возможно, – проглотив свою гордость, ответила. – Но, насколько я знаю, несколько подобных «специалистов» уже отказались от этого места, другие были отвергнуты нанимателем. Я понимаю, что слеплена из другого теста, но я не глупа. Я знаю, что входит в обязанности компаньонки, быстро учусь и готова работать.

Мужчина хмыкнул и зачеркнул моё имя в своём ежедневнике, забрав у меня последнюю надежду.

– Думаю, наш разговор окончен. Марина Викторовна проводит вас до двери. Всего хорошего.

Я уже открыла было рот, чтобы попытаться переубедить его, но передумала: с такими спорить бесполезно, если что-то решили. Комкаю свой листочек и прячу его в кармане пальто, думая о том, что завтра снова придётся искать работу и терпеть сочувственный взгляд сотрудницы фирмы. Но меня грела мысль о предстоящем вечере, который я проведу в компании Макса в его уютной квартире.

Будет, кому пожаловаться на этого напыщенного гуся.

Даже не попрощавшись, выхожу из кабинета, нос к носу столкнувшись с той же мадам, которая провожала меня сюда – видимо, это и есть Марина Викторовна; и пока меня вели на выход, я рассматривала женскую фигуру в обычной юбке

и скучной блузке под горло и пыталась понять, чем её одежда лучше моей.

Неужели упаковка важнее содержимого?

Бросив напоследок взгляд в сторону дома, замечаю шевеление в окне второго этажа, но шторы довольно быстро задёргиваются обратно. Не помню, как добралась до дома своей тётки, в котором жила последние четыре года. Она любезно согласилась приютить меня на время учёбы и, в общем и целом, была отличной женщиной, но вот её дети... Семён и Гоша, шестилетние сорванцы, поднимали на уши всю нашу панельную пятиэтажку, и не было никакой силы, которая заставила бы их успокоиться – стоит ли говорить, что в таком дурдоме не может идти и речи о нормальной учёбе? Старшая Марина, которая заканчивала одиннадцатый класс, была немногим лучше: бесконечная громко орущая музыка из-за двери её комнаты убивала во мне остатки нервной системы, которые не успевали дожать близнецы. Это были три главные причины, по которым я искала работу – чтобы снять, наконец, собственную квартиру и вспомнить, что такое тишина и покой.

Во дворе дома я заметила знакомый старенький «Хёндай» – значит, Макс уже ждал меня. В последнее время он всё чаще приезжал за мной в дом тётки, даже если я отсутствовала дома, а после забирал куда-нибудь, давая мне небольшую передышку. Парень сам жил с родителями, но днём квартира пустовала, так что мы этим пользовались,

чтобы провести время друг с другом. Остаться в квартире тётки он отказывался даже на чай – по понятным причинам, – но ради меня терпел этот дикий дурдом, дожидаясь моего прихода.

Мы встречаемся почти два года, и я уже мысленно планировала логическое продолжение этих отношений после того, как закончу универ.

2

Я вспомнила, как вчера похвасталась всем, что сегодня наконец-то получу работу, и настроение снова опустилось. Квартира на удивление встретила меня тишиной – наверно, тётя Света забрала куда-то близнецов; но дома как минимум должна была быть Марина, которая сейчас на больничном – если по воспалению хитрости выдают справки. Первым делом я заглянула на кухню в поисках Макса, но комната была пуста, ровно как и гостиная, которую мы делим с тётей Светой.

Может, Маринка его заболтала? Или запрягла помогать по математике? Такое уже несколько раз было.

Я без стука распахнула дверь в её комнату, в которой за всё время бывала раз или два, и сперва даже не поняла, что не так. Только когда Марина резко села, прикрывшись покрывалом, и растерянно посмотрела на меня, я сообразила, что именно привлекло моё внимание. На полу возле кровати лежали не только её вещи, но и знакомый вязаный свитер: его я собственноручно подарила Максу на прошлое Рождество. И пока эти двое играли в гляделки, в моей голове внезапно сложилась вся картинка – и почему он сюда приезжал даже в моё отсутствие, и почему Марина на меня с насмешкой смотрела, и почему он отказывался проводить здесь время, когда я возвращалась. Их интрижка была настолько оче-

видной, но я ничего не заметила из-за своих забот по учёбе и поиску работы.

Пока я думала о будущем, Макс думал о том, где бы припарковать своё хозяйство.

К своему удивлению, я не почувствовала ни боли, ни обиды, ни разочарования – только стерильный вакуум там, где ещё пару секунд назад неистово колотилось сердце. Мне только было немного жаль потраченного впустую времени на человека, который не видел во мне того, что я видела в нём. Да и Макс, судя по всему, не чувствовал себя виноватым, когда лениво выбрался из постели. На нём были только низко сидящие расстёгнутые джинсы и серебряная цепочка – ещё один мой подарок. Смотреть на этого кабеля не хотелось, да и Марина, которая нервно пыталась натянуть на себя одежду, тоже прилива энтузиазма не вызывала, так что я просто развернулась и потопала обратно к входной двери.

– Ну, чего ты от меня хочешь? – защищался Макс.

Я? Кажется, я за последние сорок минут вообще ни разу рот не раскрыла.

– Хочу уйти, – твёрдо ответила и уже даже сунула ноги в тёплые кроссовки.

– Только не надо делать из меня отрицательного персонажа, – устало бросил мне в спину. – Ты сама виновата! Каждый день одно и то же – мне скучно, понимаешь?

Я вскинула брови.

– И поэтому вместо того, чтобы расстаться, ты мне за спи-

ной рога наставлял? Очень по-мужски. Как долго вы оба выставляли меня идиоткой?

– Да какая, к чёрту, разница?! – Макс вспыхнул спичкой; кажется, таким я видела его впервые. – Сейчас речь не об этом.

– А знаешь, вообще, ты молодец, – похлопала его по плечу, буквально заставив себя улыбнуться. – Вы с ней будете отличной парой – не чета нам с тобой. Желаю вам счастья.

Вышла за дверь, чувствуя, как слегка подрагивают руки, и скатилась по ступенькам на первый этаж.

Чёрт возьми, а ведь я была уверена, что сегодня мой счастливый день!

Я вышла из подъезда, не совсем понимая, куда идти и что делать, и некоторое время просто старательно пыталась ни о чём не думать. Только когда снова смогла нормально дышать, проглотив комок из слёз – не хватало ещё реветь из-за этого предателя! – набрала номер Лики и вернулась к близняшкам. Они видели моё эмм... удручённое состояние, но я не хотела вдаваться в грязные подробности, а потому просто лаконично ответила, что мы с Максом расстались. Лика была шокирована этой новостью – я тоже, девочки, я тоже... – а вот Ника наоборот уверенно резюмировала:

– А я всегда говорила, что этот придурок тебе не пара. И знаешь что? Моя бабушка часто повторяла: *«Если в начале дня случается какое-то дерьмо, то после обязательно будет что-то хорошее!»*. Это закон жизни.

– Я почти уверена, что наша бабушка никогда не использовала слово «дерьмо» для выражения своих эмоций, – со знанием дела не согласилась Лика. – И уж точно не помню, что бы она говорила нечто в этом роде.

Их шутовство ненадолго разрядило обстановку, но я тут же снова скисла.

– Меня ещё и на работу не взяли.

– У них просто глаз нету, детка, – поцокала языком Ника. – Ты на нашем курсе самая способная, надо быть идиотом, чтобы не взять тебя на работу.

– Их не интересовали мои успехи, – машу рукой. – В любом случае, завтра снова придётся наведаться в службу найма – может, в этот раз повезёт?

Девочки согласились и оставили меня одну; я была благодарна им за поддержку, но в этот момент жалела о том, что рядом нет старшей сестры – вот уж кто умеет всё по полочкам разложить! Будь она здесь, я бы уже и думать забыла о том, что Макс вообще присутствовал в моей жизни.

В кармане зазвонил телефон, но мне не хотелось ни с кем разговаривать, так что я проигнорировала входящий, поэтому звонивший прислал сообщение.

«Не глупи, давай поговорим».

Макс, конечно, кто же ещё.

Я удалила сообщение без ответа и отложила гаджет в сторону, но тот через секунду снова подал голос. Какой настырный!

«Ты ведёшь себя как ребёнок!»

Снова удалила и практически сразу получила вдогонку:

«Думаешь, я буду за тобой бегать? Да кому ты нужна?!

Наши отношения развалились не по моей вине, так что извинений можешь не ждать!»

Мои брови удивлённо изогнулись: это я-то себя глупо веду?

После таких предъявлений я даже без напутствия сестры почувствовала себя лучше и в какой-то степени даже была благодарна тому Гусю за то, что не взял меня на работу. Если бы я не вернулась домой раньше положенного времени, то и теперь была бы уверена, что у меня идеальные отношения. Всё-таки, была доля правды в словах Ники, хотя это не особенно что-то меняло – я по-прежнему без работы, а теперь ещё и без парня.

Когда телефон пиликнул в очередной раз, я уже собралась ответить и высказать Максу всё, что думаю, но на экране отобразился незнакомый номер.

– Алина Кольцова? – послышался в динамике смутно знакомый голос.

Я попыталась вспомнить, где могла его слышать, и меня тут же бросило в дрожь.

– Да, это я.

– Это Станислав Баринов, вы приходили сегодня в дом моей бабушки по поводу работы.

– А вы дали мне от ворот поворот, – припоминаю. – За-

были что-то добавить?

Мне показалось, или я услышала, как клацнули зубы?

– Вообще-то, я сказал вам утром всё, что хотел. Но моя... бабушка настаивает на том, чтобы самой провести с вами собеседование, поэтому я хотел уточнить, удобно ли вам будет подъехать к ней завтра к девяти утра?

От неожиданности даже села, почувствовав, как сердце начало колотиться с надеждой. Правда, завтра у меня в это время будет пара с Авчинниковой, а она страшно не любит, когда её пары прогуливают. Но у меня же уважительная причина, правда?

– Серьёзно? Да, конечно, я смогу!

– Отлично, – недовольно проворчала трубка.

Мой собеседник отключился, не попрощавшись, но я была слишком возбуждена, чтобы обратить на это внимание.

Похоже, у меня всё же будет работа!

Несколько минут я, как сумасшедшая, пищала в подушку и прыгала от радости, а после подошла к зеркалу и, осмотрев себя, подумала о том, стоит ли мне в этот раз одеться иначе. И тут же отмела эту мысль: раз уж меня сама хозяйка позвала к себе, значит, её мой внешний вид вполне устроил – наверняка ведь это она смотрела на меня утром сквозь занавеску. А после я вспомнила, что все мои вещи остались в доме тёти, так что я при всём желании не смогла бы переодеться, разве что близняшки поделятся со мной одеждой. Зачем-то снова вспомнила Гуся Барина и показала своему

отражению язык: стоило ли показывать свой гонор, если в итоге меня всё равно берут на работу?

Хотя нет, об этом говорить ещё рано.

Утром следующего дня я засобиралась обратно в Сосновый Бор, но девочкам ничего говорить не стала – я уже однажды преждевременно похвасталась... Сказала только, что собираюсь потратить утро на поиски работы, и подруги не стали расспрашивать. И пока я ехала по уже знакомому маршруту, меня не оставляли в покое мысли о том, почему бабушка Гуся решила провести со мной повторное собеседование лично. А ещё очень надеялась на то, что его самого не будет дома – при таком костюме у него точно должна быть работа.

Если только это была не пижама, конечно.

Кто их поймёт, этих богатеев...

Несмотря на то, что солнца сегодня не было, на кнопку домофона я нажала с воодушевлением, и меня словно накрыло дежавю, когда всё тот же сухой женский голос позволил мне войти. Я не могла сказать, что Марина Викторовна была рада меня видеть, но и не испепеляла недовольным взглядом, как вчера, так что я посчитала это хорошим знаком. И пока меня вели через дом – на этот раз в другое крыло, – я оглядывалась по сторонам, выискивая барина. Очень говорящая у него фамилия, ему на сто процентов подходит. Но, кажется, на горизонте чисто, можно было выдохнуть.

В комнате, куда меня проводили, при желании можно бы-

ло устраивать балы – настолько просторной она выглядела. Я была далека от знаний мебельного стиля, но даже без них понимала, что она очень и очень дорогая. Одно только зеркало в золочёной раме чего стоило... Диван и кресла на изогнутых ножках, кофейные столики с узорами, тяжёлые портьеры, лепнина на потолке... Моё внимание больше всего привлекал камин – всегда их любила, – и я со счастливой улыбкой подошла поближе, опустившись перед ним на паркет.

Единственное, что сюда не вписывалось – это гигантская плазма на стене.

– Ну вот, у неё, к тому же, абсолютно нет манер, – слышался за спиной мужской голос.

Я вскочила на ноги, понимая, что и впрямь немного забылась. Насмешливый взгляд барина словно говорил: *«Чего и следовало ожидать»*, но я перевела взор на женщину, стоящую рядом. Она не выглядела старой и больше была похожа на его маму, ибо она не подходила под то описание, что пару дней назад дала мне сотрудница фирмы. Женщина была очень ухоженной и статной, густые седые волосы убраны наверх, открывая длинную шею, а черты лица выглядели так, будто их нарисовал умелый художник – красивые и правильные. По её лицу сложно было сказать, о чём она думает, но вместе с тем синие глаза выражали интерес. Гусь не привёл бы сюда свою маму, так что я пришла к выводу, что передо мной всё же его бабушка.

– Здравствуйте, – пролепетала я заплетающимся язы-

ком. – Прошу прощения за своё поведение, я просто...

– Я ведь говорил вам, бабушка, что найду отличного специалиста, – прервал меня барин.

– Я уже насмотрелась на твоих «специалистов», – остановила его та взмахом руки. – Все, как одна – безмозглые куклы. Я сама поговорю с этой девочкой, а ты можешь идти и заниматься своими делами.

Мой рот приоткрылся, потому что она в буквальном смысле выпихнула Гуся за дверь и деловито поправила свой кремовый пиджак из твида. На её лице неожиданно появилась улыбка, и я осторожно улыбнулась в ответ, когда она указала в сторону дивана.

– Садись, дорогая, поговорим немного.

Я села на самый край, боясь измять дорогую обивку, и стянула пальто, давая себе время для небольшой передышки. Уже по тому, как повела себя эта женщина несколько минут назад, я могла с уверенностью сказать, что хозяйка дома нравилась мне больше, чем её внук.

– Простите, как к вам обращаться? – несмело поинтересовалась я.

– Меня зовут Валентина Игнатьевна, но ты можешь звать меня бабушкой, или как тебе захочется, – продолжила улыбаться хозяйка. – Ты так напоминаешь мне мою младшую внучку.

– О чём вы хотели поговорить? – перевела я тему, чтобы спрятать своё смущение.

– Для начала расскажи мне о себе.

И я рассказала – обо всём. Как громко разводились родители, когда мне было пять, и я оказалась меж двух огней; как меня большую часть жизни воспитывали бабушка и старшая сестра; про золотую медаль в школе и надежды на красный диплом в универе... Кажется, я ей всю свою жизнь рассказала – кроме вчерашней истории с Максом, – и Валентина Игнатъевна слушала меня со спокойным интересом.

– Твоя бабушка проделала хорошую работу, – мягко тронула меня за локоть. – Так что не расстраивайся из-за того, что росла сиротой при живых родителях: возможно, только благодаря этому фактору ты сейчас такая, какая есть.

Я никогда не думала о своей судьбе с такой точки зрения, если честно, но это было похоже на то, что вчера сказала мне Ника: без плохого не было бы хорошего.

– Спасибо.

– И пожалуйста, не обижайся на Стаса. Он хороший мальчик, Бог знает, что стало с ним в последнее время... А теперь обговорим детали. Конечно, мне нужна компаньонка на весь день, но ты мне нравишься, поэтому я готова пойти на уступки.

Я зажала рот руками, чтобы снова не начать визжать, как дикарка.

– Вы берёте меня? А как же Гу... То есть, ваш внук?

В её глазах на мгновение блеснули озорные огоньки.

– Не переживай на этот счёт. Стас не живёт со мной – про-

сто приехал помочь с поиском компаньонки. Теперь, когда ты со мной, он вернётся в свою городскую квартиру.

Я едва успела вовремя сдержать облегчённый вздох.

Слава Богу, иначе наше противостояние никогда не закончилось бы.

Едва мы успели расписать мой рабочий график и месячный оклад – от суммы с четырьмя нулями у меня глаза на лоб полезли, – как дверь распахнулась, и в комнату вошёл барин. Надо же, будто почувствовал, как его тут «ждут».

– О, только не говорите, что взяли её, – запрокинул голову, чтобы скрыть досаду.

– Тебя это всё не касается, дорогой, – довольно твёрдо отчеканила Валентина Игнатьевна.

– Вы моя бабушка, так что касается.

Надо же, как он её уважает, что даже обращается на «вы»...

– В любом случае, я уже приняла решение, так что можешь негодовать по дороге домой.

Барин перевёл взгляд на меня, и по нехорошему блеску его глаз я догадалась: он в корне не согласен и так просто не сдастся.

3

Я не успела вставить ни слова, потому что мне пришло сообщение от Ники.

«Наша Рептилия интересовалась, почему тебя нет. Мы не стали врать – сказали, что ты забила на её предмет :)».

Рассмеявшись, я переключила внимание обратно на Валентину Игнатьевну.

– Мне нужно идти на занятия, – сделала свою улыбку виноватой.

– Конечно, детка, ступай, – мягко разрешила.

Я накинула пальто и направилась к двери; Стас всё ещё был здесь, и, заглянув ему в глаза, я поняла, что едва успею выйти за дверь, и он снова попытается отговорить свою бабушку нанимать меня.

– До встречи, Станислав... Как вас по батюшке?

Специально сделала акцент на первой части предложения, и он уловил вызов в моём голосе, отчего желваки на его лице начали танцевать ламбаду.

– Андреевич, – всё же удостоил ответом и нахмурился на мою лучезарную улыбку.

Его вид был достаточно грозен, но вместо того, чтобы испугаться его, я почему-то чувствовала только готовность принять вызов: в конце концов, его неприязнь ко мне – это его проблема, а не моя.

Даже несмотря на тучи, для меня на небе словно взошло солнце, и я буквально летела на пары, не чуя земли под ногами. Меня очень волновало то, что я практически сидела на бабушкиной шее из-за мизерной стипендии и отсутствия работы, зато теперь я могла вернуть ей её заботу обо мне в двойном размере. Не считая сестры, бабушка была моим единственным светлым лучом, и только благодаря ей я продолжала упорно работать и над собой, и вообще.

Едва я успела переступить порог аудитории, как Лика хитро прищурилась.

– Дай угадаю: нашла работу?

Мне казалось, что мой рот уже был не способен растянуться шире от улыбки, и щёки начали болеть, угрожая лопнуть. Киваю как китайский болванчик, и близняшки задорно хлопают в ладоши.

Да-да, знакомьтесь: девочки, двадцать два годика каждой, почти выпускницы универа.

Преподаватель по дифференциальной психологии, с которым у нас проходила вторая пара, обрадовал нас тестом по типологии характера, а я из-за вчерашних событий даже лекцию не открывала. Никита Михайлович энергично раскладывал на столе свои методички, а я чуть ли не выла в голос: вот надо было ему всё это устроить именно сегодня? Последние сутки мужчины только и делали, что испытывали меня на прочность, как будто устроили между собой соревнование – пощадит ли меня сегодня хоть кто-нибудь?..

Впрочем, даже тест не помог мне отвлечься от мыслей о том, что я стала независимой личностью. Во мне будто кто-то поменял батарейки – было столько энергии, что казалось, будто могу горы свернуть и даже не запыхаться, чего давненько не случалось. Правда, моё настроение слегка дрогнуло, когда я увидела у ворот университета одинокую фигуру Марины: зачем её принесло?

Заметив меня в толпе выходящих студентов, она тут же кинулась ко мне.

– Мы можем поговорить?

Воспоминания вчерашнего дня накатили с новой силой, и я почувствовала запоздалую обиду.

– Что, ты наскучила Максу так быстро? Что ж, ничем не могу помочь.

– Вообще-то, Макс не собирается оставлять меня, – натянуто сообщила. – Я просто хотела попросить тебя...

Она замолчала посреди фразы, и я почувствовала, что начинаю терять терпение.

– Говори уже, что хотела, я на работу опаздываю.

– Пожалуйста, не говори ничего маме! – С неё слетело высокомерие, и я увидела неподдельное отчаяние во взгляде. – Если она узнает, что я сделала, мне конец!

– А меня это касается, потому что... Погоди-ка, меня это совершенно не касается. – Я продолжила свой путь к автобусной остановке, но Марина не собиралась отставать. – Раньше нужно было думать, когда тащила в койку чужого

парня. Тебя хоть немножечко совесть гложет? Или ты до *такой* степени бессовестная?

– Макс говорил, что у вас с ним несерьёзно! – Она начала оправдываться. – Говорил, что ему со мной хорошо, а я влюбилась в него по уши, ещё когда вы только встречаться начали. Думала, что тебе и впрямь наплевать на него, раз ничего не замечаешь... Я же не думала...

– Что вы попадёте? – клацнула зубами. – Ты ведь моя сестра, хоть и двоюродная! Ты-то как могла так со мной поступить?! Ладно он, предатель, не смог своё хозяйство подалее от чужой женской юбки держать, но у тебя-то должно было хватить мозгов сказать ему «нет»!

– Ну, чего ты от меня хочешь? – практически проскулила Марина. – Я всё, что скажешь, сделаю, только не рассказывай маме!

Мне был понятен её страх. Тётя Света по своей натуре очень мягкий человек, отзывчивый, скандалов на пустом месте никогда не раздувала и всегда в первую очередь старалась разрешить любой конфликт мирно. Но, как это обычно бывает, такие спокойные люди на критическую ситуацию реагируют острее, чем холерики, ибо, собирая всё в себе, они после взрываются, словно бомбы с часовым механизмом.

Особенно, если ситуация касается детей.

Если честно, мне не то что упомянуть об этом – хотелось просто набрать тётю Свету и специально ей всё рассказать, чтобы отплатить обидчице по счетам. Но, как все мы знаем,

зло имеет свойство возвращаться к своему отправителю, а я планировала начать жизнь с чистого листа.

Но Марине об этом знать не обязательно.

Так ничего ей и не ответив, я юркнула в нутро подошедшего автобуса и на работу добралась с пересадками, потому что сесть пришлось не в свой транспорт – и всё ради того, чтобы отвязаться от Марины. Я рисовала пальцами узоры на запотевшем стекле, пока ехала в нужный район, и надеялась на то, что предательство Макса останется самой страшной вещью в моей жизни.

Из невесёлых мыслей меня выдернул завибрировавший в ладони телефон; номер в контакты не был внесён, но я узнала сочетание последних четырёх цифр, потому что там одни семёрки.

Хотел снова на меня наехать?

– Алло? – ответила, затыкая второе ухо пальцами, чтобы лучше слышать.

– Вы уже на месте? – сухо поинтересовался Гусь Андреевич.

Я перевела взгляд на красный сигнал светофора, на котором застряла, и устало вздохнула.

– Почти, – практически не соврала – разве что совсем чуть-чуть. И тут же напряглась: с чего это он интересуется? – Что-то случилось?

– Вы – вот что случилось... – проворчал в трубку. – Раз уж вы теперь работаете в большом доме, я должен быть уверен

в том, что вы будете выполнять свою работу как надо.

Вскидываю брови: опять наезды?

– Не доверяете выбору своей бабушки? Я обязательно ей передам.

Прежде чем он успел что-то вставить, я положила трубку – не хотелось портить себе настроение.

Но барин не успокоился, потому что я получила от него сообщение.

«Советую вам не совершать ошибок.»

Я сохранила его номер только для того, чтобы закинуть в чёрный список.

Тоже мне, командир нашёлся!

До места работы я добралась без приключений, но так ушла в свои мысли, что пропустила нужную остановку – пришлось кричать водителю, чтобы остановился прямо на обочине. Почему-то воображение настырно подсовывало мне картинку того, как злорадствовал бы сейчас надо мной Барин, если бы узнал, что я временами бываю рассеянной. Я бодренько добежала до остановки и свернула на нужную улицу, что сразу за ней, и вот уже знакомый забор замаячил перед глазами. В общем и целом вся дорога отняла у меня чуть больше часа, но это не моя вина: я не могла заставить автобус летать по воздуху.

Меня без вопросов впустили в дом, а услужливая Марина Викторовна даже забрала моё пальто, едва я переступила порог. Задав мне направление, женщина ушла, и я нако-

нец-то получила возможность оценить обстановку, не сдерживая восхищённых возгласов. Будь рядом Леся – моя старшая сестра, – она бы наверняка закатила глаза и сказала, что я веду себя как дикарка, вышедшая из леса. Воспоминание о сестре заставило меня почувствовать грусть, потому что с тех пор, как мы виделись последний раз, прошёл почти год. Леська получила образование в сфере археологии, но, несмотря на это, не смогла пойти работать по специальности. К счастью, она удачно вышла замуж, и Артур спонсировал все её разъезды по миру, благодаря чему сестра уже почти весь его посмотрела. Порою меня её выбор стран ставил в тупик, но она говорила, что её тянет туда внутренний археолог, пылающий страстью к «загадкам без ответов».

Наверно, мне её никогда не понять.

Валентина Игнатъевна нашлась на террасе в задней части дома; помещение было открытым, с огромными панорамными окнами по всему периметру, но плетёная мебель в виде диванчиков, кресел и столиков и большие напольные кадки с растениями создавали уютную атмосферу. Хозяйка сидела в одном из кресел и смотрела на сад, размышляя о чём-то своём, и не заметила моего появления. Мне не хотелось её беспокоить, поэтому я просто опустилась в соседнее и зажмурилась от яркого солнечного луча, на мгновение блеснувшего из-за туч. Задняя часть двора потрясала своими размерами – при желании можно было ещё один дом построить, – и вместе с тем вызывала восхищение: здесь наверняка ещё краси-

вее летом. Сидеть в такой умиротворённой тишине долго не получилось, потому что танцующая в воздухе пыль попала в нос, заставив меня громко чихнуть.

– Святые угодники! – Валентина Игнатъевна вскочила с кресла и схватилась за сердце. – Кто же так подкрадывается!

Я виновато покраснела.

– Простите, не хотела вас напугать. Вы были так сосредоточены, я не хотела вам мешать.

Её дыхание пришло в норму, а во взгляде медленно потух страх, и женщина села обратно.

– Как давно ты здесь?

– Я приехала минут десять назад – не знаю точно.

Валентина Игнатъевна одёрнула рукава того же пиджака, что был на ней утром, и поправила и так идеальную причёску, а после неожиданно улыбнулась.

– Перед тем, как заняться делами, нам с тобой нужно подписать договор о твоём найме, чтобы всё было официально, и твоя работа здесь пошла в стаж. Не хочу, чтобы после, если ты вдруг решишь оставить меня, тебя посещали мысли о впустую потраченном времени на своевольную бабку.

Моё лицо вытянулось от таких слов.

– Никогда бы не подумала о вас такое. Да и не выглядите вы как бабка, вам вообще больше пятидесяти не дашь.

По блеснувшим в глубине её глаз огонькам я поняла, что надо мной издеваются.

– Я просто шучу, дорогая. Идём со мной.

Меня снова отвели в знакомый кабинет, где ещё вчера барин указал мне на дверь, и на столе я действительно увидела небольшую стопку бумаг. Я старалась внимательно вчитываться в текст по настоянию Валентины Игнатьевны и нахмурилась, когда добралась до последней страницы.

Нанимателем значился «Баринов С.А.».

Подняла вопросительный взгляд на хозяйку, но та махнула рукой.

– Не обращай внимания. Он твой работодатель на бумаге, но в реальности ты полностью под моей опекой. В любом случае, даже если он и будет угрожать тебе увольнением, у него всё равно ничего не получится – видишь? – Она указала мне на следующую строку – ту, где «Баринова В.И.» была указана как второй наниматель. – Подписи должно быть две, чтобы тебя смогли уволить.

– Он ведь пытался отговорить вас сегодня утром, не так ли? – сделала предположение.

– Он просто упрям, как его дед, – шутливо отмахнулась женщина. – Они оба всех себя посвятили работе и всё ещё думают, что только люди с большим стажем являются специалистами. Но ведь этому опыту нужно откуда-то взяться, верно? Однако я хочу видеть рядом человека, для которого деньги не являются единственной целью в жизни, и ты кажешься подходящей под этот критерий.

После таких слов, даже если бы я и не думала об этой женщине только лишь как об источнике доходов, мне всё равно

стало немного неловко. В конце концов, любая работа – это в первую очередь материальная обеспеченность, а уж потом всё остальное, но в действительности, если бы Валентина Игнатъевна оказалась сущей ведьмой по характеру, я бы вряд ли поехала сюда во второй раз.

Но её слова в любом случае мотивировали оставаться достойной такой похвалы.

Я смущённо улыбнулась и оставила на договоре свой автограф; после этого хозяйка вручила мне один экземпляр, а второй спрятала в верхнем ящике стола.

– Теперь, когда формальности улажены, обговорим в спокойной обстановке твой рабочий график, – она указала на стоящий рядом кожаный диван, и мы синхронно опустились на него.

Если на свете и существовала работа мечты, то я определённо нашла одну из них. Валентина Игнатъевна взяла на себя абсолютно все расходы, связывающие меня с этим домом: деньги на дорогу, зарплата – даже моё питание в этом доме! Также не предвиделось никаких проблем с тем, чтобы взять незапланированный выходной в случае необходимости или больничный, который мне полностью оплатят. Отпуск я пока предпочла не оговаривать – мало ли что, – но Валентина Игнатъевна уверила, что даст его, стоит мне только попросить. В голову невольно закралось сравнение, что подобного рода забота о сотрудниках больше походила на опеку родителей над детьми, которую я от своих не видела, а ведь она мне

совершенно чужой человек.

Иногда просто поражал тот факт, что чужие могут относиться к тебе человечнее, чем родные.

4

– Так, с твоим графиком мы всё уладили, – задумчиво нахмурила брови хозяйка. – Если будут какие-то вопросы, смело задавай. А сейчас можно заняться делом. Вон там, у двери на столике, серебряный поднос, на котором лежит почта – носи её сюда.

На подносе обнаружилось семь конвертов разного размера и веса; я взяла все и вернулась, усевшись на полу у Валентины Игнатьевны в ногах. Она указала на нож для конвертов, и я засмотрелась на него, припоминая, что у моей бабушки, кажется, был похожий: она им блины при жарке переворачивала. Я не заглядывала в содержимое и даже не читала данные с конвертов – не хотелось выглядеть так, будто я пытаюсь всунуть нос не в своё дело. Хозяйка сама читала и сортировала их: два аккуратно порвала, а одно отложила в сторону; в остальных оказались то ли какие-то открытки, то ли приглашения. То, которое она отложила, заставило её нахмуриться и цокнуть языком.

– Снова штраф за превышение скорости... Этот мальчишка меня с ума сведёт.

Мальчишка?.. Гусь, что ли?

Надо же, оказывается, он любитель высоких скоростей... Хотя, наверно, все богачи такие.

– А где живут его родители? – поинтересовалась я.

В этом доме их не было видно, а барин наверняка жил не с ними, раз уж у него есть своя городская квартира.

– В этом году будет шестнадцать лет, как его родители переехали на городском кладбище, – с грустной улыбкой отзывалась женщина.

Вдоль моего позвоночника поползли мурашки, и я почувствовала, как кровь отхлынула от щёк.

– Простите...

– Не извиняйся, за столько лет мы уже все смирились. Мы с Николаем Геннадьевичем, моим мужем, взяли внуков под своё крыло и дали им всё, что могли, но в те годы нам жилось несладко. Стасу было всего двенадцать, но он словно чувствовал себя обязанным и потому чуть ли не со школьной скамьи пошёл работать. Брался за всё, что предлагали: помогал копать траншеи под трубы, разгребал мусор на свалках, даже дворником одно время работал. После поступил в университет на экономический факультет, но его будни не изменились – только ставки стали ещё выше. Пошла подработка на стройках и в автосервисах, а после получения прав по ночам ещё и работал в такси; понятия не имею, когда он успевал учиться, но с учёбой у него никогда не было проблем. Денег себе оставлял ровно столько, чтобы хватало на еду и дорогу, всё остальное переводил нам. Он всегда и всему учился, слушал, кто что говорит – у него для этого даже специальная тетрадь была; во время практики на последнем курсе он умудрился попасть на стажировку в какую-то

крупную компанию по трендингу. Само направление ему не очень нравилось, но в плане финансовых операций было чему поучиться, и Стас впитывал, как губка, всё, что видел. После окончания учёбы они с дедом скооперировались и с нуля создали собственную консалтинговую компанию – что-то связанное с финансовым управлением. Сашенька на восемь лет младше Стаса, и он целиком взял её обеспечение на себя: покупал ей одежду, оплачивал учёбу в колледже и съёмную квартиру, но знаешь, я никогда не слышала от него жалоб на то, что он устал, или ему тяжело. Думаю, дед сумел вырастить из него настоящего мужчину, и именно благодаря ему Стас стал таким, какой есть. Николай Геннадьевич оставил нас три года назад и присоединился к родителям Стаса и Саши – кажется, с тех пор характер внука и начал портиться.

– А где ваша внучка? – каркнула я и прокашлялась.

– В колледже Саша увлеклась языками, и после окончания Стас отправил её учиться за границу. В позапрошлом году она учёбу закончила и осталась жить в Англии, но приезжает к нам летом и на Рождество.

Я кивнула, делая для себя кое-какие выводы. Во-первых, Стас – отличный брат и внук, мало кто может этим похвастаться; и во-вторых, он был обычным парнем до тех пор, пока не ввязался в большой бизнес, а деньги, как мы знаем, развращают – будь здоров. Это позволило мне приписать в голове несколько баллов на его счёт, но не скажу, что сильно поменялось моё мнение о нём: ко мне-то он относится по-

другому.

– Что-то я тебя совсем заболтала, – бодро улыбнулась хозяйка, когда в моём животе раздаётся урчание. – Ты, наверно, не обедала?

– Если честно, я ещё и не завтракала, – смущённо призналась.

За всеми этими событиями было как-то не до еды, так что не удивительно, что я забыла.

– Что же ты молчала! Ступай на кухню и попроси, чтобы тебя покормили. И скажи, чтобы подали чай в мою комнату – я буду там. Кухня на первом этаже, левый коридор за лестницей.

Снова кивнула и вышла из комнаты, ориентируясь по наставлениям Валентины Игнатьевны; но даже если бы она не сказал мне, где искать кухню, я нашла бы её сама без проблем, потому что запахи, которые она источала, служили ориентиром ничуть не хуже. Здесь оказался всего один человек – мужчина средних лет с густой, модно подстриженной бородкой и живыми карими глазами, который колдовал над пончиками, посыпая их сахарной пудрой. От открывшейся картины мой живот завозмущался ещё сильнее, привлекая внимание, и на лице повара расплывается улыбка.

– Ты, должно быть, компаньонка Валентины Игнатьевны – добро пожаловать! Приятно в кои-то веки увидеть здесь свежее лицо!

– Спасибо, – искренне поблагодарила. Я ещё не знала, что

он за человек, но мне уже нравился. – А вы?..

– О, прошу простить мои манеры, – извинился в шутовском поклоне. – Сергей Сергеевич Левицкий, шеф-повар этого дома. А тебя зовут Алина, верно?

Надо же, кажется, меня здесь уже все знают.

– Верно. Сергей Сергеевич, не найдётся ли у вас чего-нибудь перекусить?

– Прошу, зови меня Сергей или дядя Сергей, или как угодно ещё, но без отчества, – притворно отчитал меня. – Когда слышу «Сергей Сергеевич», то оборачиваюсь и ищу своего отца.

– Его тоже зовут Сергеем? – вскидываю брови.

– В моей семье было очень тяжело с фантазией. А теперь давай тебя покормим. Но, надеюсь, ты не сидишь на диетах?

– Я всеядна и обычно ем, пока не наемся, – тихонько рассмеялась.

– Слава Богу, хоть один нормальный человек. Твоей хозяйке нельзя жирное, жареное и сладко, потому что ей нужно следить за холестерином и диабетом, Станислав Андреевич здесь бывает очень редко, а его невеста, кажется, тоже стала жертвой моды – питается одними салатами... Ты не представляешь, как тяжело работать повару в доме, в котором никто не ест его шедевральные блюда!

Новая информация сигналом отозвалась в голове: так у Гуся есть невеста? Я бы обязательно пожалела девушку, которая не побоялась связаться с баринном, но что-то мне под-

сказывало, что они оба – одного поля ягоды.

– Кстати, о хозяйке – Валентина Игнатьевна просила подать ей чай.

Передо мной в мгновение ока появляется красивый поднос с чашкой, заварочным чайником и подсушенными тостами на блюде, и я чувствую себя героиней какого-нибудь английского фильма про аристократов. От чайника исходил очень интересный запах, и я с любопытством поинтересовалась, что там за чай.

– Это смесь имбиря с мятой и лимоном. Хозяйке нельзя сладкое, но иногда мы добавляем немного натурального мёда – отсюда такой запах.

Рядом со мной словно по волшебству материализовалась Марина Викторовна, которая ловко подхватила поднос и тут же исчезла, и мне только и осталось, что сосредоточиться на моём завтрако-обеде. Я с удовольствием уплела тарелку ароматного супа и приличный кусок пышного омлета и даже осилила кружку вкусного капучино с одним из пончиков, так что мне даже стало стыдно за свой аппетит.

– Как приятно видеть, когда твои труды не пропадают зря, – не согласился со мной Сергей.

– Вы очень вкусно готовите, – почувствовала, как краснеют щёки.

– Когда выдастся свободная минутка, обязательно заглядывай: я научу тебя парочке своих фирменных рецептов.

Поблагодарив его за старания, я собиралась подняться к

Валентине Игнатьевне в комнату, но она встретила меня на полпути.

– Ты уже освободилась? Отлично. Идём, мне нужна твоя помощь.

Мы свернули в правый коридор за лестницей и направились в самый конец к белоснежной двери; та поддавалась без единого звука, и хозяйка щёлкнула выключателем. Это оказалось чем-то вроде кладовки, только намного больше, и помещение почти целиком было заставлено вешалками с вещами в защитных чехлах.

Чехлов было... много.

– Нам нужно перебрать здесь всё и решить, что мы отдадим в приюты, благотворительные организации и фонды помощи. Эти вещи больше никто не наденет, но не пропадать же добру...

Мы потратили почти четыре часа на то, чтобы разобрать все вешалки. Ну, ладно, возможно, всё затянулось из-за того, что мы с Валентиной Игнатьевной начали примерять тот или иной элемент гардероба, а после вообще превратили комнату в импровизированный показ мод. Могу сказать, что я уже давно так не смеялась и не думала, что у кого-то вроде этой представительной леди окажется такое искромётное чувство юмора.

– Ты только не подумай, что я хочу тебя обидеть... – хозяйка неожиданно осторожно прервала наше дурачество. – Просто хочу сказать, что ты можешь приходить сюда и вы-

бирать себе что-то, если понравится. Большинство из этих вещей надето всего пару раз, а что-то не надевалось совсем, как вот эти платья. Так что если будет желание...

Я всегда была довольно практичным человеком. С самого детства мне часто отдавали вещи соседи, бабушкины знакомые или родители моих подруг, и я относилась к этому спокойно: в конце концов, не у всех есть возможность одеваться в бутиках, и ничего зазорного в этом не было. Как правило, вещи всегда были в идеальном состоянии, так что навскидку никто не мог сказать, что до меня их носил кто-то ещё. Но то было в детстве; сейчас мне не хотелось, чтобы, глядя на меня, люди видели сиротку, которая нуждается в чьей-либо благотворительности.

Однако и обижать хозяйку мне не хотелось, так что я просто молча кивнула.

После того, как всё было рассортировано, мы вместе отправились в столовую, потому что Валентина Игнатьевна не хотела отпускать меня домой на голодный желудок. Нам накрыли стол на двоих, и я собиралась сосредоточиться на своём ужине, когда до меня донёлся странный звук.

Словно тонкие иголки цокали по кафелю.

И судя по тому, каким сдержанным стало выражение лица у Валентины Игнатьевны, мне не показалось. Ещё несколько секунд, и в столовую вошла девушка; мне даже не нужна пояснительная бригада, чтобы понять, что передо мной невеста Гуся собственной персоной. Стройная – я бы даже сказала

слишком, – высокая, определённо знающая себе цену брюнетка с лицом, которое словно было вылеплено на компьютере: не трудно догадаться, что на нём присутствовал приличный слой косметики. Идеальные брови щедро накрашены, холодные серые глаза в обрамлении искусственных ресниц, чуть вздёрнутый нос и полные, но в меру, губы.

Было ли в ней хоть что-то настоящим?

Бежевый брючный костюм, белое пальто нараспашку, лакированные туфли-лодочки на шпильке – вот что так цокало... – и шёлковый шарфик на шее. Довольно сдержанно, но все вещи наверняка были от кутюр, как это любит Гусь Андреевич. Её цепкий взгляд прошёлся по мне основательно, и надо было быть последней идиоткой, чтобы не догадаться: она здесь не ради дружеского визита.

– Здравствуйте, Валентина Игнатьевна! – наигранно счастливо защебетала она и поцеловала воздух возле щеки хозяйки. – Как вы себя чувствуете?

– Здравствуй, Инга, – сдержанно ответила женщина. – У меня всё в порядке. Кстати, познакомься, это Алина, моя компаньонка. Алина, это Инга – невеста Стаса.

– Да, он мне рассказывал, что нанял новую прислугу, – сразу обозначила моё место и поправила волосы, как бы невзначай продемонстрировав кольцо на своём безымянном пальце правой руки с красивым камнем в виде эллипса. – Он купил лекарства, и я решила привезти их вам, потому что Стасик занят.

Ложь. От первого до последнего слова, и это почувствовала не только я. Барин наверняка в красках расписал меня своей невесте, и та прилетела на метле, чтобы посмотреть на новую «прислугу».

– Алина здесь не служанка, – довольно холодно осадил эту Барби Валентина Игнатьевна. – Она моя помощница, и это большая разница.

– Как скажете, – улыбнулась Инга.

С таким же успехом этой улыбкой можно было сопроводить обещание разорвать кого-нибудь на части.

Она поставила небольшой пакет на стол и спрятала руки в карманах пальто.

– Знаете, Стас очень за вас переживает, – поделилась наблюдениями. – Быть может, вам стоит прислушаться к нему? Я тоже считаю, что вам нужен специалист.

Вот так, прямо при мне!

– Это всё ещё мой дом, – отрезала хозяйка. – А ты пока что не жена моего внука и уж точно не мой психоаналитик, чтобы давать такие советы.

По лицу девушки пробежала волна, словно сейчас с неё спадёт эта маска притворной любезности, и я увижу какую-нибудь болотную мерзость, но Барби быстро взяла себя в руки.

– Не обижайтесь на меня, мы со Стасом просто о вас беспокоимся. К тому же, зачем все эти формальности? Через два месяца я официально стану членом этой семьи – разве я

не могу проявить заботу о вас и вашем здоровье?

Да она просто соловей с флейтой в глотке...

– Мне не восемьдесят, и я пока ещё в своём уме, чтобы самостоятельно заботиться о себе и принимать решения. А если тебя или моего внука что-то не устраивает... Что ж, это ваши проблемы.

Инга поджала губы и демонстративно посмотрела на часы.

– Ну ладно, мы поговорим с вами в другой раз, мне нужно бежать. До свидания, Валентина Игнатьевна.

Королева уплыла под мерный цокот своих шпилек, и мы с хозяйкой некоторое время посидели в тишине.

Кажется, мне придётся бороться за свою работу не только с Гусем...

Стас

Сконцентрироваться на работе не получалось.

Текст финансового отчёта прыгал перед глазами и напрочь отказывался отпечатываться в голове, из-за чего мне приходилось перечитывать его по десять раз. После смерти деда здоровье бабушки подкачало, и я некоторое время жил в её доме, чтобы приглядывать, но рабочий график не позволяет мне уделять ей много внимания. Вариант с компаньонкой выглядел вполне разумным, но только в том случае, если рядом с бабушкой будет профессионал. А теперь мне тревожно вдвойне, потому что помимо бабушки приходилось думать ещё и о том, чтобы эта студенточка не натворила дел.

Она, видите ли, «готова работать»...

В каком, чёрт возьми, розовом мире живёт эта девочка?

Поднялся на ноги и ослабил узел галстука; из окна открывался вид на город, который лежал словно на ладони, но сегодня он не успокаивал, а только раздражал ещё больше.

– Станислав Андреевич, к вам Инга Алексеевна... – раздался голос секретаря в динамике, но его перебили возмущённые вопли вышеупомянутой.

Инга яростно распахнула двери, всё ещё рыча что-то в сторону несчастной секретарши, и ворвалась внутрь, громко захлопнув дверь. В голове и так со вчерашнего дня звенел набат, так что у меня даже уши закладывало, но ей, как обычно, на всё наплевать. Впрочем, при виде меня её поведение поменялось: кокетливо поправив волосы, она направилась прямо ко мне и оставила на щеке жирный след от помады.

Какая мерзость.

– Привет милый, – расплылась в елейной улыбке.

Иногда я смотрел на неё и не понимал, как позволил втянуть себя в это, но после всегда вспоминал причину, и зубы сжимались сами по себе.

– Зачем ты накричала на неё? – сухо поинтересовался.

– На кого? На эту бестолочь? – отмахнулась Инга. – Она не хотела впускать меня в твой кабинет.

– Я попросил её об этом, потому что у меня много работы – может, и на меня голос повисит?

– Разве я могу? – подошла вплотную и, состроив невинное лицо, стиснула пальцами отвороты моего пиджака.

Вот оно, двуличие во плоти.

– У меня нет времени на флирт, я не врал про работу, – оторвал её от себя и снова сел в рабочее кресло.

– Вообще-то, я тоже занята, – надула губы, и меня начало мутить от её наигранной невинности. – Сегодня у меня встреча с флористом и кондитером, и нужно ещё пройтись по магазинам...

Да, тяжкий труд, ничего не скажешь.

– До свадьбы ещё два месяца, – слова слетели с языка с таким ощущением, будто на зубы попал песок.

– По-твоему, это много? – усмехнулась. – У большинства уходит полгода на то, что я сделала за два месяца. Ладно, лучше расскажи, как продвигаются поиски компаньонки для Валентины Игнатьевны?

– Вообще-то, она уже наняла человека, – нехотя поделился я.

Инга недобро прищурилась.

– Вот как? И кого же?

Я не спешил раскрывать карты – по той простой причине, что среди всех недостатков Инги неоправданная ревность была самым сильным. Мне пришлось перевести свою предыдущую секретаршу в другой отдел, потому что та была слишком красивой по мнению моей невесты, и уволить экономку, которая содержала в чистоте мою городскую квартиру – по

той же причине. Порой подозрения Инги доходили до полного абсурда, и мне нередко приходилось осаживать невесту, угрожая ей её же отцом.

Правда, эффект держался недолго – до очередной красивой женщины на горизонте моей жизни.

– Это не важно, – ушёл от ответа. – Её наняла бабушка, так что теперь это её головная боль.

– Как скажешь, – выдала Инга свою любимую фразу, и теперь прищурился уже я: как-то быстро она сдалась. – Я ушла, увидимся вечером.

Только когда за ней захлопнулась дверь, я выдохнул и откинулся на спинку кресла. Это прозвучит дико, но в начале наших отношений, которые иначе как бизнес-проектом не назовёшь, мне даже казалось, что Инга идеально мне подходила. Она всегда отлично выглядит, знает себе цену и умеет подать себя так, чтобы произвести впечатление; предельно раскована, без комплексов и максимально умеет привлечь к себе внимание, не сказав при этом ни слова. Мне как бизнесмену рядом нужна была женщина, которая подходила мне по статусу и при этом не клялась в демонстративной в любви до гроба. Не то что бы я был противником чувств, но на данном этапе у меня не было времени искать ту единственную, которая к тому же вряд ли существовала. Мне проще было взять лучшее из того, что предлагает жизнь, и быть уверенным в том, что это в любом случае беспроектный вариант, а брак с Ингой плюсом ко всему ещё и сулил мне некото-

рые бонусы по укреплению позиций на финансовом рынке.

Правда, сейчас я не был уверен в том, что так уж здорово всё придумал.

Я старался работать в привычном режиме, но то и дело ловил себя на мыслях о том, что сейчас происходит в большом доме. Очень хотелось надеяться, что Алина не соврала о своей ответственности и не сожгла дом, к примеру, или не дала бабушке не те таблетки, или что-то украла, или вообще забила на работу. О том, что у меня самого проблемы, я понял в тот момент, когда в мой кабинет снова ворвалась взвинченная Инга. На часах было почти десять, в это время она обычно убивает вечер в каком-нибудь салоне красоты, приводя в порядок и так идеальное тело.

Неужели сломала ноготь? Или очередная «бестолочь» сделала ей не тот маникюр?

– Хорошо бы тебе для разнообразия научиться стучаться, – тяжело вздохнул я, закрывая ноутбук.

Всё рабочие моменты можно было перенести и на завтра, всё равно от меня сегодня толку мало.

– А тебе – научить свою бабку уважению! – чуть ли не проорала она.

Видит Бог, я готов мириться с любой её прихотью, но позволять оскорблять мою семью не позволю, даже если бабушка того заслуживает.

– Сбавь-ка тон, дорогая, – недобро предостерёг, и Инга на мгновение стушевалась. – Что бы там ни случилось, она

почти в три раза старше тебя, так что сперва сама научись проявлять уважение.

– Она меня оскорбила! – уже не так резко и громко поделилась. – И всё из-за этой малолетней служанки! Неужели эта вертихвостка важнее меня? Я ведь почти твоя жена!

– Для начала приведи голову в порядок, – я начал терять терпение. – Из того бреда, что я сейчас услышал, я понял только то, что тебе не понравились слова бабушки.

– Это вовсе не бред. Она практически выставила меня вон за то, что я о ней беспокоюсь... И всё по тому, что я засомневалась, что эта девочка сумеет о ней позаботиться.

Я невольно хмыкнул: этого следовало ожидать. Уже по тому, как Валентина Игнатьевна отстаивала возможность самой провести собеседование, я понял, что от студентки-идеалистки мне не избавиться никогда – разве что она сама решит уйти. А уж если сюда влезла Инга, бабушка будет защищать девчонку вдвойне, потому что на дух не переносит мою невесту.

Ну и ещё я сомневался, что Инга сказала бабушке всё именно так, как сейчас расписывает мне.

– Тебе не стоило вмешиваться, – застегнул пуговицы на пиджаке. – Зачем тебя вообще туда понесло?

Её рот медленно распахнулся в идеальное «о».

– Поверить не могу, ты её тоже защищаешь! Вам что, захотелось поиграть в благотворительность? Чего вы все печётесь об этой сиротке? Ты же сам говорил, что хочешь нанять

толкового специалиста, и что в итоге? – Она прищурилась, и я понял, что вот именно сейчас и рванёт бомба. – Или я чего-то не знаю?

– Давай проясним раз и навсегда: Алина – бабушкин выбор. Она живёт и работает в *её* доме и никакого отношения ко мне не имеет – это понятно?

– Как скажешь, милый, – вроде бы поверила, хотя подозрительность в её взгляде никуда не делась.

Я вышел из кабинета следом за Ингой и приписал в голове ещё один минус Алине.

Одни проблемы от неё.

Два следующих дня были вполне себе спокойными. Дом-учёба-работа, и так по кругу – за тем лишь исключением, что моим домом теперь стала квартира близняшек, так как видеть Марину и вспоминать о предательстве двух близких мне людей не хотелось. Макс больше не звонил и не писал, но у меня почему-то присутствовало стойкое и довольно неприятное ощущение, что эта глава моей жизни ещё не закончилась. Учёба давалась без труда, диплом тоже шёл хорошо – особенно после того, как Валентина Игнатьевна узнала его тему: оказывается, у них была собственная библиотека, в которой можно было найти книги на какую угодно тематику, и мне разрешили ею пользоваться, так что некоторое время в доме хозяйки я тратила на учёбу. Эти два дня барин в пределах видимости не появлялся, и я расслабилась.

Как оказалось, зря, потому что создавать проблемы он умел и на расстоянии.

В пятницу Баринов неожиданно нагрянул к Валентине Игнатьевне без предупреждения; вечер в его компании прошёл тихо-мирно, я бы даже сказала по-дружески – но ровно до того момента, пока я не засобиралась домой.

– Ты уже уходишь? – прервала беседу с внуком хозяйка.

– Да, через двадцать минут будет последняя маршрутка, – мягко улыбнулась я, стараясь не смотреть в сторону Гуся.

Но тот сам его привлёк, когда напряг и выпрямил спину и прищурил глаза.

– Ты едешь домой?

– Вас удивляет, что у меня есть дом? – непонимающе спросила.

Что ещё за реакция такая странная?

– Кстати, раз уж ты всё равно здесь, то мог бы подвезти Алину до дома, – предложила хозяйка, и моё лицо вытянулось от страха.

С Гусем? В одной машине?! Нет уж, увольте...

– Нет-нет, не нужно, всё в порядке, я вполне могу добраться сама.

– Вообще-то, я думал, она будет жить здесь, – огорошил меня барин.

Я перевела удивлённый взгляд на Валентину Игнатьевну и обратно на её внука.

Жить здесь? Но никто не...

– Я подумала, что не должна лишать девочку личного пространства и времени, – объяснила причину хозяйка.

– «Лишать девочку личного пространства и времени»? – передразнил Стас. Вот же... Гусь! – Этот дом имеет площадь небольшого государства с одиннадцатью жилыми комнатами – куда ещё больше личного пространства? Я бы не нанимал тебе компаньонку, если бы она была нужна здесь только днём – с таким же успехом я мог бы и сам продолжать присматривать за тобой. По-хорошему, эта «девочка» вообще долж-

на быть рядом с тобой круглые сутки, ты и так пошла ей на уступки с её учёбой! Она ведь здесь не за «Спасибо» работает!

Вообще-то, хоть он и говорил со своей точки зрения Гуся – напыщенной и самоуверенной точки, – в его словах всё же был смысл. Конечно, добираться до учёбы я буду несколько дольше, придётся выходить на полчаса раньше, но это ведь сущие мелочи. Я всё равно съехала от тёти и в данный момент стесняла близняшек в их однокомнатной квартире, где и так не особо много места, а так я могла бы и впрямь уделять Валентине Игнатьевне больше времени.

– Стас... – начала хозяйка, но я впервые позволила себе перебить её.

– Да нет, он прав, – кивнула, принимая очередной вызов. – К тому же, это совсем не проблема.

Валентина Игнатьевна так просияла, что мне стало неудобно.

– В таком случае завтра после учёбы тебя заберёт мой водитель и поможет с багажом.

– В этом нет необходимости, – накинула куртку на плечи. – У меня всего одна сумка.

Это чистая правда. Когда я переезжала в город, оставляя бабушку, то взяла с собой только самые необходимые вещи. Бабушка жила совсем недалеко, всего час езды на автобусе, так что я в любой момент могла заехать к ней, если мне что-то было нужно. Мебели у меня тем более никакой, раз уж

я жила у тёти, так что и любой переезд, даже самый неожиданный, не был для меня проблемой.

Я всегда налегке.

Словила на себе недоверчивый взгляд барина: он удивлён?

– Хорошо. А теперь Стас отвезёт тебя домой. – Барин собрался было возмутиться, но Валентина Игнатьевна не дала ему и слова вставить. – Он ведь не невоспитанный грубиян и не откажется сделать такую мелочь?

Гусь стиснул челюсть, но покорно поднялся на ноги и молча потопал к выходу – даже до свидания бабушке не сказал! А вот я попрощалась с хозяйкой, пообещав завтра приехать с вещами, и вышла на улицу; барин уже завёл двигатель и нетерпеливо сжимал руками руль, демонстративно посматривая на часы. Я спокойно села на пассажирское сиденье, пристёгиваясь ремнём безопасности, и перевела на него вопросительный взгляд, который барин проигнорировал. Он уверенно вёл машину по дороге, и только когда мы въехали в пределы центра, я поняла, что не называла ему адрес, хотя с точки зрения маршрута он ехал правильно.

– Откуда вы знаете, где я живу? – удивлённо выдохнула.

– Думаешь, я позволил бы бабушке впустить в свой дом, кого попало? После того, как она заявила, что полна решимости предоставить вам работу, я приказал своим людям выяснить о вас всё – вплоть до домашнего адреса.

– Так, давайте сразу уточним: кто попало – это я? – фырк-

нула в ответ. – Вам не кажется, что вы ведёте себя, как неотёсанный грубиян?

– Нет, не кажется, – твёрдо отрезал. – Если что-то касается моей семьи, то я должен быть на сто процентов уверен в её безопасности.

Ну, это звучало разумно. Это ведь *я* знала, что не способна на подлость, но барин имел все права сомневаться во мне. И всё же он был неоправданно груб.

– Знаете, сначала я сомневалась, но теперь вижу, что ваша невеста и вы – отличная пара.

– Что вы хотите этим сказать? – остановился он на светофоре.

– Ей тоже слегка поджимает корона, – пожал плечами я.

Он ничего не ответил – только прибавил газу, когда загорелся зелёный – видимо, хотел поскорее от меня избавиться, но я и не против. Возле нужного мне подъезда барин остановился, и я уже взялась было за ручку, но он неожиданно снова подал голос.

– Я прошу прощения, если Инга наговорила лишнего в свой прошлый визит. Иногда она бывает слегка... прямолинейной, но не принимайте её слова всерьёз. Я уже поговорил с ней и объяснил, что её вся эта ситуация не касается, так что, думаю, она больше не будет вас беспокоить.

«А за своё поведение не хотите извиниться?» – почти слетел вопрос с языка, но я вовремя его прикусила. Было видно, что для него и такое сказать – уже подвиг... И вообще, он

назвал её прямолинейной, как будто Барби в тот день сказала что-то правильное в грубой форме, но она не была права, так что я бы применила к ней другое слово, но ругаться под конец дня не хотелось.

Что-то мне подсказывало, что у нас ещё будет немало поводов для ругани.

Свою сумку с пожитками я собрала сразу же, как только вошла в квартиру, чтобы утром поехать с ними в университет, а оттуда напрямик на новое место жительства. Близняшки для вида повозмущались, что я их оставляю, но были рады, что мне так повезло и с работой, и с начальницей. Одногруппники в сторону сумки косились, правда, так ничего и не спросили, потому что их это не касалось совершенно. А я думала только о том, что теперь, когда я переезжала в большой дом, барин будет реже мельтешить перед глазами: о его бабушке ведь есть, кому позаботиться.

До нового места жительства добралась без приключений. В доме меня встретила Марина Викторовна и отвела в крыло, где жила Валентина Игнатьевна; дверь моей новой комнаты оказалась не так далеко от двери хозяйки, что выглядело целесообразным, но об этом я размышляла второстепенно, потому что... Я, чёрт возьми, теперь буду жить в музее с произведениями искусства! Вся мебель выполнена в одном стиле – с витиеватыми узорами и на изогнутых ножках; зеркало на стене в полный рост в золочёной раме напоминало портал в другой мир, но даже без него я ощущала себя так,

будто попала на другую планету, что, по сути, было не так уж далеко от истины.

Богатые в каком-то собственном, параллельном мире живут.

И да, я посреди всего этого великолепия казалась не к месту, портила весь вид в своих джинсах и водолазке, но ведь я и не собиралась работать здесь вечно.

После того, как я разложила свои немногочисленные вещи по полкам, Валентина Игнатьевна велела не показываться ей на глаза, пока не пообедаю. Дядя Сергей снова постарался на славу, и во время еды развлекал меня разными историями из своей трудовой практики в этом доме. Вопреки всему на душе было тихо и спокойно, хотя обычно в чужом доме я чувствую себя неуютно, даже у тётки Светы несколько дней не могла нормально спать, а ведь она мне не чужая – сестра матери, как-никак.

После обеда Валентина Игнатьевна попросила помочь ей выбрать наряд для благотворительного вечера, на который ей прислали приглашение; пока она перемеривала свой гардероб, у меня появилась возможность оценить её тонкий вкус в одежде, потому что, несмотря на всю строгость её нарядов, они были очень элегантными и подчёркивали все её достоинства. Вот она надела твидовый брючный костюм – очевидно, это её любимый стиль среди тканей, – и в моей голове настырно всплыл образ Гуся. Как бы сильно ни был мне неприятен, надо признать, что в деловом костюме он выгля-

дел на все двести и производил неизгладимое впечатление. Жаль, что с чувством такта у него такие проблемы...

Вечер мы с хозяйкой провели за беседой; она рассказала о годах своей юности, о дочери – матери барина, – и о том, через что ей пришлось пройти. С каждым новым предложением я всё больше восхищалась силой этой женщины, которая при всём этом сумела сохранить в себе человечность и остаться такой искренней и сопереживающей. В голове снова проскользнула параллель с её внуком, который пошёл по другой дорожке, но все мы разные и справляемся с болью и утратами по-своему, хотя я его ни в коем случае не оправдывала.

Ближе к девяти вечера, когда Валентина Игнатъевна переместилась в свою гостиную на втором этаже – туда, где проводила со мной собеседование, – я сумела уговорить её расслабиться и забыть на некоторое время о том, что она леди. Переодевшись в пижамы, мы устроили себе киносеанс; чёрно-белый фильм, тарелки с пончиками и подсушенными тостами – атмосфера, да и только. К несчастью, кто-то наверху, видимо, решил, что нам слишком весело, потому что в тот момент, когда Душечка, напившись бурбона, делилась с Джозефиной и Дафной планом выйти замуж за миллионера (отсылка к фильму «В джазе только девушки»), дверь в гостиную распахнулась, и на пороге показался барин в компании Барби. Сегодня он был одет иначе: вместо вечного делового костюма – вязаный свитер кофейного цвета и светлые

джинсы, и, должна признаться, этот образ шёл ему ещё больше. Барби была затянута в узкие белые брюки и мягкий свитер цвета пудры, спущенный на одно плечо; тёмные волосы, которые, как я знаю, обычно распущены, сегодня собраны в небрежный пучок на затылке, а длинные серьги подчёркивали её лебединую шею.

И как это красивое создание может быть таким ядовитым?

– Бабушка? – округлились глаза барина. – Что ты делаешь?

Оп-па, кажется, для кого-то в новинку такой способ времяпрепровождения.

К счастью, Валентина Игнатьевна оказалась крепким орешком, потому что она даже не пошевелилась и не попыталась принять более величественную позу, оставшись сидеть на полу по-турецки.

– Мы смотрим фильм – хотите присоединиться? – невозмутимо пригласила она.

Моя спина выпрямилась, будто я проглотила кочергу: что может быть хуже, чем вечер в компании Гуся и Барби?! Но те, кажется, оставаться надолго не собирались.

– Нет, спасибо, – вежливо отклонил её предложение барин. – Я просто хотел удостовериться, что Алина выполнила моё условие.

По тому, как посмотрела на своего жениха Инга, стало понятно, что она не в курсе его визитов сюда и недовольна этим фактом.

– Я бы хотел поговорить с тобой, бабушка, – продолжил он, наградив меня красноречивым взглядом.

Тихо хмыкнув, я поднялась на ноги – в такой манере свалить меня ещё не просили, – и потопала к выходу, поймав какой-то странный взгляд от Инги на себе. Моя пижама была слишком открытой – футболка и короткие шорты, – но я же не ждала, что они с барином заявятся сегодня в гости! Скрывшись как можно быстрее с глаз, я уже по пути думала о том, стоит ли мне сделать набег на хозяйский холодильник в поисках мороженого. Но успела пересечь только половину большой гостиной на первом этаже, когда за спиной раздалось звонкое:

– Эй, ты!

Голос Инги нельзя было спутать ни с чьим другим; и, зная её натуру, я могла предположить, что она догнала меня не для того, чтобы сделать комплимент: скорее всего, сейчас снова попытается выпроводить меня отсюда.

– Я могу вам чем-то помочь? – предельно любезно поинтересовалась я.

Она не запугает меня, как бы грозно ни выглядела, потому что я знала, что от её голоса в этом доме ничего не зависит.

– Во дворе стоит моя машина – протри в ней стёкла, – кивнула она в сторону выхода.

Я вскинула брови.

– Что, простите?

– О Господи, ты ещё и глухая... В моей машине запыли-

лись стёкла – протри их.

Скопировав её, сложила руки на груди.

– По-вашему, я похожа на автосервис?

Барби усмехнулась, но как-то недобро.

– Послушай, детка, не стоит конфликтовать со мной и показывать характер, если хочешь остаться здесь подольше.

– А я разве сказала что-то не то? – состроила я невинное лицо. – Я всего лишь имела в виду, что в мои обязанности не входит мойка чьих-то машин во дворе.

– Не думай, будто имеешь право так со мной разговаривать, – послышалась в голосе угроза. – То, что ты здесь, не означает, что ты имеешь отношение к этой семье, так что не придавай себе столько значимости. Они все здесь любят благотворительность, поэтому Валентина Игнатьевна тебя пожалела, но не стоит думать, что ты кому-то нужна.

– В чём дело? – Я пропустила её укол мимо ушей: такие выпады меня давно не впечатляют. – Понимаю, вы не испытываете ко мне симпатии, но ведь моё присутствие в доме не должно *так* вас напрягать. Разве что вы... О, Боже, не уверены в себе?

– Слушай, ты...

Она почти взорвалась, но на площадке второго этажа раздались отчётливые голоса хозяйки и барина, и Барби заткнулась. Её глаза метали молнии и обещали мне расправу, но ведь не я начала эту войну, так что играть по её правилам и поддаваться не собиралась.

6

После ухода неожиданных гостей мы с Валентиной Игнатьевной досмотрели кино и разошлись по комнатам, когда часы показывали уже за полночь. Я забралась в мягкую постель и словно утонула в облаке; такая мягкость была непривычна для меня, к тому же запахи совсем другие, и слишком тихо, и я с ужасом поняла, что сегодня, скорее всего, не засну. Глаза постепенно привыкли к темноте, и я принялась разглядывать витиеватые узоры на потолке, который был виден сквозь прозрачный балдахин над моей кроватью. От безысходности даже начала считать в уме овец, но ничего не помогало. Уже под утро, когда свет забрезжил в окне, я окончательно вымоталась и смогла заснуть лишь для того, чтобы через два часа проснуться.

На завтрак я спустилась сонная и немного заторможенная, но вид счастливой хозяйки помог мне немного взбодриться.

– Доброе утро, – поздоровалась с ней и вошедшим поваром. – Ещё только семь часов, что успело случиться хорошего?

– Доброе, дорогая, – счастливо улыбнулась Валентина Игнатьевна. – Знаешь, мне Сашенька позвонила!

– Здорово, – искренне порадовалась я. – Что сказала?

– Сообщила, что на следующей неделе собирается приехать. Я уже говорила, что вы с ней похожи характерами? Уве-

рена, вы найдёте общий язык.

Я нахмурилась, потому что всегда считала, что если бы у меня была сестра-близнец с таким же характером, то мы бы частенько цапались по поводу и без. Два одинаковых на мысли и вкусы человека на общие квадратные метры – проблемами попахивает...

– Правда? Разве вы не говорили, что она приезжает только дважды в год? Сейчас не Рождество и не лето – что-то случилось?

– Она соскучилась и хочет повидаться, – с сомнением ответила хозяйка. – Но не думаю, что это главные причины. В любом случае, если она сама не захочет поделиться правдой, ничто её не заставит сделать это, но вряд ли что-то серьёзное, иначе она звонила бы Стасу, а не мне.

Ага, понятно – старший брат разрулит все проблемы, какими бы серьёзными они ни были.

Здорово, когда есть, кому подмести за тобой.

– И когда именно она приезжает?

– У неё самолёт в среду, – снова засветилась Валентина Игнатьевна. – Моя девочка снова будет со мной!

Я не могла не радоваться, видя такое счастье на лице хозяйки, но и расслабляться не спешила: что русскому хорошо, то немцу – смерть, так что мне придётся дожидаться приезда Бариновой-младшей, чтобы подтвердить или опровергнуть убеждения хозяйки насчёт нашей похожести. Но даже если она просто не окажется второй копией Инги, я уже буду на

седьмом небе, ибо против двух Барби с Гусем в арьергарде мне точно не выстоять.

Учебный день прошёл мимо меня, потому что две лекции я умудрилась проспять, укрывшись за надёжными спинами одногруппников. Лика и Ника на большом перерыве ожидаемо подкалывали меня, пристав с расспросами, чем таким я занималась на своей работе, что даже времени на сон не хватило, и я беззлобно послала их к чёрту. На семинаре, к которому я вчера благополучно забыла подготовиться из-за своего головотяпства, меня по счастливой случайности не спросили, так что я после пар с чистой совестью поехала домой.

Постепенно рабочие будни пришли в норму. Я привыкла к обстановке и спала по ночам как убитая, а барин прекратил появляться в доме чуть ли не каждый день, ограничиваясь звонками. То ли наконец-то смирился с тем, что я теперь компаньонка его бабушки, то ли это Инга ему хвоста накрутила – за то что он без её ведома так зачастил к любимой бабушке при таком плотном графике. И хотя всё складывалось как нельзя лучше, меня страшила грядущая среда по той простой причине, что не хотелось приобретать ещё одного «недруга» в этом доме. Я старалась не создавать в голове образы Саши, чтобы потом не разочаровываться, но только и делала, что противоречила сама себе.

А когда «страшный» день наступил, и меня разбудил громкий шум в доме в шесть утра, я поняла, что переживать

было глупо. Накинув на плечи халат, потащи­лась вниз прямо как есть – в пи­жаме и на­верняка с воро­ньим гнездом на го­лове. Глаза отказы­вались открываться полностью, так что со стороны, на­верно, я выглядела тем ещё пугалом о­городным. По­ка спускалась по лестнице, представляла Сашу элеган­тной девушкой – под стать своей ба­бушке, – в каком-нибудь модном дорожном костюме от кутюр, с кучей чемоданов, в которых было полно брендовых вещей и косметики. Но ко­гда увидела в холле брюнетку с копной коротких чёрных куд­рей в драных джинсах и толстовке с единственной сумкой на плече, мои глаза распахнулись сами собой. От её улыбки тя­нуло улыбнуться в ответ, и я легко могла себе представить, какое впечатление я произвела здесь в первый день.

В общем-то, мы и впрямь были чем-то похожи.

– Сашуня, что же ты не предупредила, что будешь так ра­но! – пожурила её бабушка. – Мы бы за тобой машину при­слали.

– По-твоему, я похожа на инвалида и не могу добраться сама? – фыркнула девушка. – В любом случае, я здесь, так что обнимай меня скорее! – Она сама первая кинулась Ва­лентине Игнатьевне на шею, параллельно осматривая холл. – А Годзилла не приехал?

Мои брови взлетели вверх: это она о ком?

Валентина Игнатьевна шутливо прихватила внучку за ухо.

– Негодница, смеешь обзывать­ся на брата после всего, что он для тебя сделал?

Я прикусила губы, чтобы не рассмеяться вслух: Годзилла? Серьёзно??

Теперь сомневаться в том, что мы подружимся, точно не приходилось.

– Ай-яй, ба, ну мне ж не пять лет, – вырвалась девушка, потирая ухо. – К тому же, он своё прозвище заслужил – вечно ходит с недовольной мордой и рычит на всех... Ой, а это кто?

Я вздрогнула, потому что Саша смотрела прямо на меня; Валентина Игнатьевна повернулась в мою сторону, и её взгляд потеплел.

– А, Алина, иди к нам, дорогая.

Прокашлявшись, я направилась к ним, на ходу запахивая халат и пытаюсь незаметно пригладить курятник на голове, но, кажется, сделала только хуже, ибо Саша прикусила губы.

Да и хрен с ним.

– Сашуня, это Алина, моя компаньонка, – представила меня хозяйка. – Алина, это Александра, моя внучка, о которой я рассказывала.

– Наверняка история была в жанре ужасов, – посмеялась девушка, протянув мне руку. – В любом случае приятно познакомиться.

– Мне тоже, – искренне ответила.

Мне нравилась её непосредственность.

– Может, мы сядем и поболтаем? – предложила Саша нам с хозяйкой.

– Алине скоро нужно в институт на занятия, – покачала головой Валентина Игнатьевна. – Не все же такие лентяйки и лоботрясы, как ты.

– По-моему, мадам, вы меня с кем-то путаете, – скорчила рожицу девушка и снова обратилась ко мне: – Тогда мы познакомимся поближе после твоего возвращения, если ты не против.

Я? Против? Да я всеми руками за!

– Идёт, – кивнула в ответ.

Пока бабушка с внучкой переместились в большую гостиную, я вернулась в комнату и первым делом навестила зеркало. Матерь Божья, ну и видок – зомби в голодный год и то выглядит лучше... Спешно приняла душ и привела себя в порядок и собрала сумку, радуясь, что на сегодня не было никаких семинаров и мучений, кроме физкультуры. Теперь, когда я была более-менее похожа на человека, спустилась вниз и нашла всех в столовой; дядя Сергей сегодня выглядел на редкость жизнерадостным – хотя куда уже больше, – и мне почему-то показалось, что с сегодняшнего дня в этом доме всё изменится.

– Знаете, что? – тоном, будто ей всё надоело, вдруг сообщила Саша. – Давайте вечером закатим гулянку! Вернётся Алина, я приглашу парочку старых друзей, Стаса тоже позвоём. Если хочет, он может даже с собой свою швабру притащить, она мне настроение не испортит.

Кажется, невесту барина недолюбливала не только Вален-

тина Игнатъевна.

– Хорошая идея, дорогая, – улыбнулась хозяйка.

Они продолжили обсуждать детали праздника, в то время как я выскочила из-за стола и понеслась к выходу, на ходу прощаясь со всеми. Я была рада отвлечься, но видеть барина в компании Барби мне не хотелось, и на моё счастье нам на завтра задали кучу заданий для семинара от таблиц до теста, так что я решила использовать это как причину своего отсутствия.

В большом доме не было слышно ни звука, когда я вернулась; Марина Викторовна, которая в этом доме занимала пост экономки – теперь я об этом знала, – поделилась, что Валентина Игнатъевна сейчас отдыхает, а Саша отсыпается после путешествия, так что у меня появилось время немного поработать над дипломом. Именно в библиотеке и нашла меня хозяйская внучка, когда я уже заканчивала редактировать первую главу своей будущей ВКР и собиралась просмотреть вторую.

– Прячешься? – улыбнулась девушка, усаживаясь напротив.

– Я думала, ты спишь, – усмехнулась в ответ.

– Да это я просто от назойливых расспросов сбежала, – подмигнула она. – Как успехи?

– Неплохо, – кивнула я с удовлетворённой улыбкой. – Но у меня на вечер много работы, так что я не смогу присоединиться к твоему празднику.

– О нет, – отрицательно замотала головой та. – Нет, нет и ещё раз нет. Ты идёшь – и точка.

– Всего два месяца отделяют меня от красного диплома. Я не могу позволить себе забыть о том, ради чего я всё это делаю, – обвела глазами обстановку.

Когда попадаешь в мир богачей, очень легко потерять голову и забыть обо всех своих принципах, целях и обещаниях, предать самого себя и отступить от всего, во что верил прежде. Я себе такой участи не желала, и, как бы привлекательно и сладко не выглядел этот сахарный мир, я на его уловки покусаться не собиралась.

– Да никто и не говорит, что ты должна забыть про всё и стать второй копией Инги, – Саша брезгливо скривила лицо при упоминании невесты брата. – Но ты теперь часть этой семьи, осознаёшь ты это или нет, и должна присутствовать на вечере – хотя бы ради меня.

С сомнением рассматриваю её выпрашивающее лицо: один вечер ничего ведь не изменит, так? Я уже собиралась податься, но в голове вовремя всплыла картинка с тестом, который мне ещё надо составить, и это отрезвляет.

– Нет, извини. Меня ждут таблица и тест.

Она на мгновение прищурилась.

– Ты могла бы сделать их за то время, что сидишь здесь со своим дипломом, так почему предпочла заниматься другими делами? – Саша окинула меня подозрительным взглядом и усмехнулась. Вот чёрт... – Дай угадаю: это всего лишь

причина, верно?

– Не пойми меня неправильно. – Я поднялась на ноги, чувствуя лёгкое волнение. – Мне уже выпала честь столкнуться пару раз с твоей будущей невесткой, и больше не хочется. Да и от барина я не в восторге.

Только после того, как произнесла это вслух, прикусила язык и перевела удивлённый взгляд на Сашу, ожидая её неодобрения, но девушка только расхохоталась.

– Ага, понятно. Знаешь, не обращай на неё внимания: она много из себя корчит, но мало что собой представляет в действительности. Однажды мой брат это поймёт – боюсь только, что будет уже поздно.

– Я, конечно, к Гу... эмм... к Станиславу Андреевичу тепла не питаю, но... Кто-то пробовал поговорить с ним? Открыть глаза?

Саша саркастично закатила свои.

– Пробовали, и не один раз, только всё без толку – как об стенку горох. Возможно, если бы ему встретилась девушка, от которой он потерял бы голову, всё было бы проще, но я таких не знаю. Однако мы отошли от темы. Если я пообещаю тебе, что Инга в твою сторону даже взглянет, ты пойдёшь?

Я окинула взглядом заваленный учебниками и тетрадями стол и продолжила сомневаться.

– Даже не знаю.

– Ладно, знаешь, я никогда особо не любила психологию, но я готова прямо сейчас помочь тебе с твоими заданиями,

если ты пообещаешь прийти.

– Мне нечего надеть.

Саша застонала в голос и, подойдя ко мне вплотную, закинула руки на плечи.

– В моём шкафу полно платьев, которые я ни разу не надела – кажется, они даже всё ещё с бирками – так что твои отговорки не актуальны.

И я молча сдалась, потому что против этой девушки, кажется, приёмов не существует.

Над моими заданиями мы вдвоём просидели около двух часов; если бы я сидела одна, то наверняка прокопалась бы дольше, зато теперь точно не осталось причин не идти на праздник. Пока Саша тащила меня в свою комнату, я искренне надеялась, что у будущей четы Бариновых найдутся дела поинтересней, чем домашняя вечеринка, хотя это было очень эгоистично.

В конце концов, Гусь – Сашин брат, и, несмотря на все её колкости, она наверняка по нему соскучилась.

Комната Саши отличалась от всех остальных, в которых я была – и не только по стилю мебели. Вместо резных кроватей и столиков на изогнутых ножках здесь стояла железная с кованой спинкой, на стене напротив висела большая плазма, под которой прямо на полу стояла приставка, белый компьютерный стол был завален книгами, а простой книжный шкаф заставлен всякими безделушками. Под потолком висела причудливой формы люстра, а вдоль всей южной стены протянулся шкаф-купе с зеркальными створками. Всё было приправлено ноткой бардака от разбросанных по помещению вещей, но это, кажется, Сашу совершенно не заботило.

Здесь определённо чувствовался стиль хозяйки комнаты.
– Не обращай внимания, у меня всегда такой беспорядок, – улыбнулась девушка и потопала напрямик к своему

шкафу. – Так, сейчас тебе что-нибудь подберём.

Ближе этот предмет мебели выглядел ещё больше – не шкаф, а самый настоящий шкафище с выходом в Нарнию! А когда Саша отодвинула одну из створок, а потом вторую, мой язык начисто присох к нёбу.

Это всё для одного человека?

– На этих вешалках висят вещи, которые я даже не распаковывала после покупки, – объясняет девушка. – У Стаса была цель, не знаю, сделать меня женственной, что ли, но нам с женственностью было не по пути, так что они так и гниют здесь.

Я протянула руку, чтобы дотронуться до одного из чехлов и убедиться, что у меня не зрительные галлюцинации.

– Ты хочешь, чтобы я весь шкаф перемерила???

Да на это и одного дня не хватит.

– Ну что ты, нет, конечно, – мягко улыбнулась она, но я разглядела в уголках её глаз огоньки. – Ещё в гардеробной есть несколько вешалок.

С губ сорвался нервный смешок.

– Если ты хочешь, чтобы мы управились до нового года, то лучше начать прямо сейчас.

Саша принялась методично снимать вешалки и, не церемонясь, швыряла все чехлы на кровать; я взяла первый и потянула «собачку», и в образовавшейся щёлочке мелькнула ткань нежно-розового цвета. Быстро застегнула молнию обратно и отложила чехол в сторону: никогда не любила розо-

вый. В следующем обнаружилась светло-серая красота, но оно слишком мало, чтобы я смогла в него вместиться. Поняв, что сама сориентироваться здесь не смогу, я подождала, пока Саша не закончит вытаскивать все вешалки, и после принялась распаковывать каждый чехол. Вскоре на кровати расцвела целая палитра цветов и их оттенков, даже в глазах рябить начало, а девушка тем временем принялась сортировать платья.

– Ну, и чего стоим? Уже давно бы разделась, пока я тут корячусь, – проворчала, раскладывая вещи.

Я закатила глаза и стянула такие привычные джинсы и тонкий свитер; с фигурой у меня в определённый период времени были проблемы, и мне стоило огромных усилий, чтобы снова вернуться в форму, зато теперь я могла не чувствовать себя неудобно. Саша окинула меня беглым взглядом и одобритительно кивнула.

– Отлично, с фигурой у тебя порядок, значит, есть пространство для манёвра.

– Только давай без фанатизма, – рассмеялась я. – Не хочу выбиваться из толпы.

– Конечно-конечно, – явно не слушая меня, Саша вытащила из общей кучи первое платье сиреневого цвета и протянула его мне. – Начнём с чего-то попроще.

Платье действительно оказалось без всяких претензий: расклешённая юбка до колен, целомудренный вырез и полупрозрачные широкие рукава, собранные у запястий манже-

тами. Пока я разглядывала себя в зеркале, Саша достала телефон и сделала несколько фотографий, заставив меня улыбнуться. Я бы просто выбрала его и успокоилась, но она выразила протест, пихнув мне в руки следующее – на этот раз насыщенного изумрудного цвета. Оно было расшито камнями на груди и собрано тонким поясом на талии, а рукава с оборками легкими складками спускались до середины предплечья. Это тоже село на мне как влитое, и теперь выбрать было не так уж просто. Следующее платье тёмно-синего цвета смутило меня только длиной своей юбки, которая тянулась до самого пола, но в нём я тоже смотрелась неплохо. Почти с каждым следующим оказывалась та же песня – за исключением трёх, которые я отмела из-за цвета, выреза на груди и отсутствующей спины соответственно, – и я понятия не имела, какое в итоге выбрать. Саша сделала фотографии меня в каждом платье, даже в тех, которые я категорически отказывалась надевать, и теперь листала их в галерее.

– Здесь нужно мнение эксперта, – задумчиво уронила комментарий девушка.

– Может, спросить у Валентины Игнатьевны? – предложила я вариант.

Провела рукой по мягкой ткани и поймала себя на грустной мысли о том, что мне в своей жизни вряд ли когда-то доведётся купить собственное платье такого же качества.

– Нет, ей наверняка понравятся все, – не согласилась Саша. – Тут нужно независимое мнение – желательно, мужское.

– Дядя Сергей?.

– Тоже не очень удачный вариант... Пожалуй, покажу эти фотки Стасу.

До мозга не сразу доходит смысл фразы, а когда я всё-таки соображаю, что к чему, Саша уже испаряется из комнаты. Я лихорадочно вытряхиваю себя из платья, натягиваю свои вещи и выскакиваю из комнаты в поисках девушки: какое ещё «покажу Стасу»?! Да этот Гусь специально выберет какую-нибудь порнографию, чтобы выставить меня в неприглядном свете!

Тоже мне, нашла советчика!

Саша обнаружилась в комнате Валентины Игнатьевны; вооружившись очками, хозяйка внимательно рассматривала фотографии, и по взгляду Саши я поняла, что девушка меня просто дразнила. Не знаю, почему ей наше противостояние с барином казалось смешным, но, по-моему, теперь это станет постоянным поводом для шутки.

Вместе с Валентиной Игнатьевной и Сашей мы выбрали мне изумрудное платье, хотя вариантов действительно было много. Оно тоже было со скромным вырезом и довольно-таки целомудренным, однако за счёт своих украшений всё равно смотрелось очень изысканно и дорого. Но когда я надевала его вечером за полчаса до начала праздника, поняла, что мне некомфортно, и не только из-за того, что оно с чужого плеча. Намечался обычный домашний вечер в честь приезда Саши, придут только самые близкие друзья и Стас, а я на-

рядилась так, будто собираюсь на аудиенцию к королеве. И ещё было стойкое ощущение, будто я потихоньку начинаю отступаться от своих принципов и убеждений, позволяя наряжать себя как куклу. И пусть мне это платье не подарили, а только одолжили, я в этом доме не член семьи, а всего лишь компаньонка хозяйки – следовательно, и одеваться так ярко мне незачем.

Промариновавшись в своих мыслях таким образом, я стянула красивую вещь и аккуратно положила её на кровать. Достала свои чёрные джинсы и кофейного цвета кофточку с разрезом и прозрачной вставкой на спине и надела всё это. Распущенные волосы собрала в хвостик, а макияж, который с таким старанием наложила на моё лицо Саша, безжалостно стёрла, оставив только тушь на ресницах и нежный блеск на губах. Теперь в зеркале стояла настоящая я, без примесей и мишуры, возможно, чуть наряднее, чем обычно, но это была я. Почувствовав удовлетворение, я вышла в коридор; с первого этажа уже доносились звуки музыки и весёлые разговоры – сколько же я провозилась? – так что пришлось поспешить вниз. Я увидела Сашу, которая общалась с тремя девушками, и чуть поодаль от неё стояла компания парней; Валентина Игнатьевна сидела в кресле и наверняка пила свой имбирный чай, судя по чашке, с улыбкой наблюдая за любимой внучкой. Я придирчиво осмотрела наряды присутствующих: все были одеты достаточно просто, почти также, как и я сейчас – даже на Саше были джинсовые бриджи и что-то

вроде туники. Поджимаю губы: зачем было наряжать меня, словно ёлку, если все остальные наплевали на дресскод?

Стаса с Ингой всё ещё не наблюдалось, и я осторожно выдохнула: на некоторое время можно расслабиться и отдохнуть в хорошей компании. Саша повернулась ко мне в тот момент, когда я спускалась по лестнице, и по её смеющимся глазам я поняла, что она ожидала от меня такой выходки с переодеванием. Я украдкой показала ей язык и подошла к Валентине Игнатьевне, которая улыбнулась мне настолько искренне, что у меня защемило сердце. Наверно, я никогда не перестану удивляться тому, что в этом мире всё ещё остались открытые чистые люди, способные на искренние чувства.

Вечер прошёл относительно спокойно, хотя присоединившийся дядя Сергей пытался развеселить нас всех как мог; в десять вечера он засобирился на боковую, а ближе к одиннадцати ушли по домам Сашины друзья, так что мы втроём уселись вокруг кофейного столика и просто болтали обо всём. Саша делилась тем, как проходила её жизнь и работа в Англии, и что-то странное на мгновение мелькнуло в её голосе – что-то отдалённо напоминающее грусть. Валентина Игнатьевна тоже заметила это, но деликатно не стала привлекать внимания, зная, что её внучка сама поделится, когда будет готова.

– Ладно, поговорим о другом, – внезапно перевела тему Саша. – Какая-то вечеринка вышла тухлая, это надо испра-

ВИТЬ.

Мы с хозяйкой переглядываемся.

– Я в клуб не поеду, – покачала головой я.

– Ну а я тем более, – поддакнула Валентина Игнатьевна.

На секунду представила, что она согласилась бы, и мне пришлось прикусить губы, чтобы не засмеяться в голос.

– Какие вы... – закатила глаза девушка. – Есть куча других способов сделать вечер веселее. В конце концов, если вы не хотите ехать в клуб – клуб сам может к вам приехать.

– Никаких стриптизёров в доме! – завопила хозяйка. – Я тебя перед Стасом больше прикрывать не буду!

Теперь не сдерживаюсь и заваливаюсь на бок от смеха: неужели уже был опыт?

– Ты мне до Второго пришествия будешь это припоминать? – заворчала Сашка. – И потом, мне помнится, что ты и сама на них глазела!

– Да как тебе не стыдно!

– Так-так, брейк, девочки, – подняла руки, призывая к спокойствию. – Саша имела в виду другой клуб – интеллигентный, с книгами и кружкой чая, верно?

– Угу, – пробурчала та. – Чтоб окончательно от скуки подохнуть... Ну, хотя бы музыку и алкоголь можно?

– Такое ощущение, что ты никогда не повзрослеешь, – вздохнула Валентина Игнатьевна. – Давно уже пора семьёй и детьми обзавестись, а она всё с ума сходит...

– Но ведь за это ты меня и любишь, признайся, – с важ-

ным видом прокомментировала девушка. – Кто-то же должен расшевелить этот муравейник!

– Не забывай, что ты здесь живёшь не одна, – продолжала упрямыться женщина. – С тобой под одной крышей находятся другие люди, которые в отличие от тебя почти круглые сутки вкалывают, не жалея сил, и встают в пять утра, чтобы тебя на столе завтрак был, и в доме ни пылинки.

– Ничего, один разок потерпят, – отмахнулась Сашка. – В конце концов, я ведь не так часто приезжаю – уверена, они поймут, а может даже присоединятся.

Валентина Игнатъевна машет рукой, сдаваясь, и Саша победно вскидывает кулак.

– Теперь второй вопрос: ты с нами пить будешь?

– С кем это «с нами»? – интересуюсь. – Я, вообще-то, не пью.

Ага, с тех пор, как в девятом классе мы с друзьями напились у подъезда, и я отломала ручку у чужой машины, пытаюсь в неё залезть.

– Ничего не хочу слышать сегодня. Так что, бабушка, ты с нами?

– Разве что чуть-чуть, за компанию, – всё-таки согласилась та.

– А вам можно? – на всякий случай уточнила.

Я знаю, что ей нельзя из еды, так что наверняка нельзя и алкоголь.

– Немножко можно, – успокоила хозяйка. – Не переживай,

я знаю свою норму и о предписаниях врачей помню.

– Хорошо, – улыбнулась я, и довольная Сашка унеслась куда-то в сторону столовой.

Оказывается, в том помещении есть малоприметная дверь, ведущая в подвал, где, как мне объяснили, хранится не только консервация, но и внушительная коллекция вин. Минут через десять девушка вернулась с двумя бутылками красного вина и тремя бокалами и сделала музыку чуть громче. Разлив жидкость насыщенного красного цвета по бокалам, она произнесла тост «За мой приезд!», и я сделала небольшой глоток. Вино приятно согревало нутро, устремляясь вниз, а Саша залпом осушила весь бокал сразу, вызвав неодобрительный взгляд Валентины Игнатьевны.

Мы как-то незаметно опустошили целую бутылку. Несмотря на то, что хозяйка выпила совсем немного, она начала глупо улыбаться – хотя вряд ли глупее нас с Сашкой, – и мы решили, что просто так сидеть и пить не хотим. Исчезнув на пару минут, девушка вернулась с коробкой и предложила сыграть в твистер. Не помню, как мы втроём начали играть – помню только, что запутались так, что завалились, пока хохотали.

Веселье закончилось, когда входная дверь хлопнула, и в гостиную вошёл... Стас.

Один.

– Какого чёрта здесь происходит? – грозно нахмурил брови, рассматривая нашу кучу-малу.

Сашка была слишком пьяна, чтобы воспринимать брата всерьёз, да и Валентина Игнатьевна, кажется, тоже, а вот я моментально протрезвела, потому что в отличие от меня их не попрут отсюда за любой проступок.

– О, Стас пришёл, – пропищала мне на ухо Сашка, но не смогла выбраться из-под бабушки и снова начала хихикать. – Присоединяйся!

– Вы совсем с ума посходили? – продолжил тот возмущаться, проигнорировав приглашение сестры. – Ладно, бабушка от эйфории пошла на поводу у бестолковой внучки, но вы!

Это его «вы» не хуже выстрела пронзило меня насквозь, заставив съёжиться от страха.

– Алина не виновата, это я всех споила, – подняла руку Саша и на всякий случай уточнила: – Насильно.

Барин на мгновение зажмурился и стиснул пальцами переносицу.

Надо же, какие они у него тонкие и изящные – почти девчачьи...

– Скажи ещё, что привязала их к стульям и через воронку вино вливала! Вас без присмотра и на одну минуту оставлять нельзя, – подвёл итог. – Я надеялся, что хотя бы Алине хватит мозгов, чтобы удержать вас обоих от безумств, но, кажется, ошибся.

Я хотела обидеться на оценку моих интеллектуальных способностей, но поняла, что барин прав, и передумала.

– И что ты собираешься делать? – вскинула Саша бровь. – Отшлёпаешь нас?

Моё испорченное сознание отреагировало на невинную шутку порцией пошлых картинок, но я от них отмахнулась.

– Боюсь, я вынужден принять более серьёзные меры.

Блин, он ведь не собирается вышвырнуть меня отсюда с волчьим билетом?

Стас

Всю дорогу до дома испортили мрачные мысли.

Как так получилось, что вместо взрослого ответственного человека за бабушкой присматривает такая же бестолковая девчонка, как и моя сестра? Раньше я переживал только о здоровье бабушки, а теперь на мою голову свалились ещё две проблемы.

Называется «Сам камень поднял – сам себе на ногу уронил» [китайский фразеологизм, имеет схожее значение с русским «Хотел как лучше, а получилось как всегда»].

В окнах квартиры на девятом этаже всё ещё горел свет, хотя часы уже показывали за полночь – значит, Инга ещё не спит. Она в принципе всегда была ночной пташкой, но что-то мне подсказывало, что в этот раз она бодрствует по другой причине: знает ведь, где я был. Заглушил двигатель и некоторое время просидел в тёмном салоне в полной тишине, уставившись в пустоту: в последние месяцы у меня не было возможности побыть одному из-за навалившейся ра-

боты и вездесущей Инги, так что приходилось использовать любой шанс. К тому же, мне нужно было время, чтобы подготовиться к разговору с невестой, который вряд ли её обрадует, хотя исход в любом случае будет непредсказуем.

Одно я мог сказать наверняка: Инга будет не в восторге.

Ещё одна короткая передышка за время подъёма в лифте, и вот я уже проворачивал ключ в замке; Инга в шёлковом халате сидела в гостиной, листая очередной модный журнал, и в её руке я заметил бокал вина.

– Привет, милый, – соблазнительно улыбнулась и словно случайно скинула халат с одного плеча. – Как прошёл день?

Сегодня мы с ней ещё не виделись: я уехал в офис, когда девушка спала, а после она по телефону отказалась ехать со мной на встречу с Сашкой. Ни для кого не секрет, что они обе друг друга не переваривали, хотя при свидетелях Инга всегда была сама любезность. Внезапно поймал себя на мысли, что в большом доме чувствовалась какая-то другая, более живая атмосфера, что ли, после которой сюда возвращаться не очень-то хотелось. Наверно, что-то отразилось на моём лице, потому что в следующую секунду игривое настроение Инги оставило её.

– Что на этот раз выкинула твоя полоумная сестричка?

Я стиснул зубы, потому что Саша может вести себя как неразумный ребёнок, но это не значит, что я позволю кому-то оскорблять её.

– Прикуси язык. Ты говоришь о моей сестре, если не за-

была.

– Я же не со зла, – тут же пошла на попятную. – Так в чём дело?

– Я принял решение переехать к бабушке до тех пор, пока Саша не вернётся в Англию.

Инга поджала губы, хотя я ещё даже не успел закончить фразу, и я уже знал, что она ответит.

– Твоя Саша не пятилетняя девочка, которой нужна нянька! Когда уже до тебя дойдёт, что она просто тобой манипулирует!

В действительности Александра никогда не умела манипулировать мной, хотя, безусловно, старалась; выпросить новую сумку или поездку к чёрту на рога она пыталась с завидной регулярностью, но я не хотел, чтобы она росла избалованной, и потому держал сестру в ежовых рукавицах. Но Инга об этом, конечно, не знала, потому что её никогда не интересовали подробности жизни моих близких.

– По-твоему, я похож на безмозглую марионетку, которой можно управлять?

– Не переворачивай мои слова, я совсем не это имела в виду, – «оскорбилась» невеста. – Мы оба знаем, что твоя сестра в состоянии сама о себе позаботиться, и я не вижу нужды переезжать туда. Если тебе так хочется всё держать под контролем, ты мог бы просто ездить туда каждый вечер на час или два и возвращаться домой.

– Пытаешься командовать мной? – хмыкнул себе под

нос. – Как мило. Пока что в этом доме я мужчина, и я уже принял решение. Если ты с ним не согласна – это твоя проблема. В любом случае, я не принуждаю тебя переезжать со мной, ты можешь остаться здесь.

Вот теперь её лицо приобрело оттенок злости.

– Ну да, и позволить твоей семье настроивать тебя против меня? Да ни за что!

– Послушай, у тебя что, пластинку заклинило? – покачал головой. – Кто я для тебя? Глупый мальчик, которым можно управлять? На кой чёрт тогда тебе сдался такой безвольный идиот?

Её лицо вытянулось от удивления.

– Что у тебя за привычка выворачивать мои слова наизнанку? Я просто знаю, что твои близкие ненавидят меня и будут только рады, если я исчезну из твоей жизни. Но если я перееду в дом твоей бабушки вместе с тобой, возможно, они поймут, что я – лучшая партия для тебя.

Я спрятал ухмылку, потому что понимал, что это не единственная и даже не главная причина того концерта, который Инга устроила. Она никогда не сомневается в своём совершенстве, как внешнем, так и внутреннем, но спокойствия ради всегда устраняет конкурентов даже тогда, когда нет оснований для их появления. Хотя, возможно, она не такая уж и самоуверенная и внутри гораздо более ранимая, чем выглядит.

– Хорошо, – согласился, в конце концов. – Только, пожа-

луйста, не закатывай сцен и не ведись на Сашкины провокации, иначе вернёшься в квартиру. Я не хочу, чтобы в доме были постоянные скандалы из-за того, что ты не умеешь держать себя в руках.

– Как скажешь, – холодно ответила и вернулась к своему занятию, залпом осушив бокал.

Вместо того чтобы принять душ и пойти спать, я зачем-то пошёл на кухню и налил себе двойную порцию виски. В голове всплыли огромные испуганные глаза Алины в тот момент, когда она увидела меня в доме сегодня вечером. С каким удовольствием я сказал бы ей, что она уволена, но из-за дополнения в контракте, на котором настояла бабушка, теперь не всё зависело от меня. Иногда я просто поражался тому, насколько хреново у судьбы бывает с чувством юмора: вытащить эту Дюймовочку в розовых очках из её сказки и подкинуть в реальный мир. О чём она вообще думала, когда шла устраиваться на работу?

Но, кажется, моё решение переехать в дом на некоторое время напугало её даже больше, чем возможное увольнение.

Янтарная жидкость обожгла горло, но как будто слегка смягчила сегодняшние воспоминания и помогла расслабиться. Я всё-таки принял душ и лёг спать, думая о том, что в большом доме напрочь отсутствует порядок, и пришла пора это изменить.

Теперь всё будет по моим правилам.

8

Я проснулась в четыре утра со стойким ощущением того, словно меня выкручивают наизнанку. Голова чудовищно болела, и жутко тошнило, но к счастью, желудок был пуст. Это немного отвлекало от воспоминаний о том, что барин угрожал своим переездом в дом Валентины Игнатьевны, потому что мы с ним и так не сказать, что бы ладили, а уж если будем жить под одной крышей... В общем, мои трудовые будни обещали стать «весёлыми», ибо мы с Гусем будем друг другу взаимно портить настроение.

Со скрипом села и подождала, пока стены перестали кружиться. Глупо надеяться на то, что после переезда барина у меня будет возможность его избегать; это Сашке с Валентиной Игнатьевной нечего бояться, потому что они его семья, а за мной тут будут следить всё свободное время. Этот дом, конечно, огромен, но когда человек говорит, что собирается навести здесь порядок, это не означает, что он будет тихо-мирно сосуществовать в соседнем крыле, не выходя из кабинета.

После прохладного душа стало немного легче, но не настолько, чтобы я чувствовала себя готовой к поездке в институт. Язык во рту превратился в наждачку, а горло – в тёрку, и я медленно потянулась на кухню в поисках большого стакана холодной вкусной водички. Проходя мимо столовой,

заметила картину, с которой почувствовала родство: Сашка сидела, прижав бутылку с лимонадом к затылку, и тихо постанывала, пока Валентина Игнатьевна поглаживала её по спине, как маленькую.

– Тоже не спится? – спросила девушка, поморщившись.

Я кивнула и всё же потопала на кухню – искать в холодильнике бутылку с минералкой. Пузырьки нещадно били в нос и жгли горло, но я слишком хотела пить, чтобы обращать на это внимание. А после я села рядом с Сашкой, и теперь уже мы обе прижимали бутылки к головам.

– Он ведь это не серьёзно? – с надеждой спросила.

Меня понимают с полуслова.

– Сомневаюсь, – пробурчала всё та же Сашка. – Обычно он слов на ветер не бросает. Такое уже было, когда я училась в колледже: если я косячила, и Стас обещал мне расправу, она не заставляла себя долго ждать.

Ну, если уж он родной сестре косяки с рук не спускал, что говорить за меня...

Тихонько проскулила и уронила лоб на прохладную поверхность стола; в помещении стало немного светлее – значит, солнце потихоньку встаёт, – и мои глаза почувствовали лёгкий дискомфорт, поэтому пришлось их прикрыть.

– И когда же он придет? – поинтересовалась я.

– Судя по выражению его лица, брату не терпится вернуться в большой дом, так что не удивлюсь, если он будет здесь уже сегодня вечером. Но это ещё не все неприятности.

Я вскинула голову слишком резко и не особенно удивилась, почувствовав новый прилив тошноты и головной боли.

– В каком смысле?

– Сомневаюсь, что Инга отпустит его сюда одного.

То есть, со мной под одной крышей будут жить два человека, которые мечтают увидеть моё заявление на увольнение? Просто замечательно...

– Они не хотят, чтобы я здесь работала, – печально констатировала факт.

– К счастью, никого из присутствующих это не волнует, – фыркнула Сашка и снова сморщилась. – Знаешь, на самом деле, это не так уж плохо. Когда я ехала сюда, думала, что будет скучно, но появление Инги – это отличный повод повеселиться.

– Что ты собираешься делать? – спросила я, не уверенная, что хочу знать ответ.

– Не я, а мы, – несмотря на состояние, на лице Саши расплылась предвкушающая ухмылка. – У нас с ней давние тёрки – ещё со времён, когда мой брат и её отец только начинали деловые отношения, а Инга положила глаз на моего брата. Уже тогда я поняла, что она собой представляет, и с тех пор между нами негласная война, хотя при брате она делает вид, что обожает меня. Я никогда не ставила себе цели выпроводить её из нашей семьи, но это не значит, что я не могу хорошенько повеселиться.

– Если она такой нехороший человек, отчего вы не пого-

ворите с ним?

– Стас уже большой самостоятельный мальчик, – вмешалась Валентина Игнатьевна. – И шишки набивает свои. Я говорила ему о том, как важно правильно выбрать супругу, но раз он настолько упрям, что хочет сделать ею Ингу – так тому и быть.

– А мы просто устроим этой горгулье тёплый приём.

Саша так мило улыбается, что я улыбаюсь в ответ.

– Знаешь, Инга мне не очень нравится – ладно, совсем не нравится, – поправилась, заметив скептическое выражение на лице девушки. – Но одно дело твоя шалость, за которую тебя просто пожурят и отпустят, и совсем другое – моя, за которую меня выпрут с работы. Я здесь в любом случае не для того, чтобы развлекаться.

– Да брось, мы с бабушкой сумеем тебя защитить, – возразила Саша. – Неужели ты позволишь Инге ездить на себе – а она будет это делать, поверь, – молча?

– Конечно, нет, но защищаться и специально выводить – это две разные вещи.

– Как с тобой скучно, – махнула Сашка рукой. – Ладно, я в любом случае понимаю, что мы с тобой в разных категориях, но ты хотя бы будешь меня поддерживать?

– Всеми фибрами души, – рассмеялась, поднимаясь на ноги.

Девушка показала два больших пальца, и я вышла в коридор, но замираю, когда услышала своё имя за спиной.

– Видишь? – зала риторический вопрос Валентина Игнатьевна. – Поучилась бы поведению у Алины, а то тебе всё хиханьки.

Саша что-то тихо проворчала, но я уже не слушала. К половине восьмого мне стало намного лучше, хотя в маршрутке всё равно немного укачало, но я хотя бы смогла нормально сосредоточиться на лекциях. Стоя на перерыве в очереди к небольшому ларьку за бутылкой обычной воды, я размышляла о том, что мне, возможно, всё же удастся избежать Стаса с Ингой в доме. Барин по большей части пропадает на работе, а Инга вряд ли будет сидеть целый день в четырёх стенах, тем более в отсутствие жениха, зная, как её все «любят». А по вечерам, я уверена, у Стаса найдутся дела поважнее, чем безостановочный контроль за мной, так что видеться мы будем разве что за завтраком и ужином. А если у Стаса своё расписание, то мы можем даже и за завтраками не встречаться.

В голове всё так хорошо расписалось, что я даже улыбнулась своим мыслям: не всё так плохо! Наше общение будет настолько минимальным, что этой парочки словно и нет в доме, так что тут даже волноваться не о чем.

Правда, работал этот уговор недолго – ровно до того момента, когда пришло время собираться домой. Освободилась я сегодня не быстро: мне нужно было сдавать реферат по физре за прогул в прошлом месяце, а упрямый препод не захотел принимать его на перерыве, наказав прийти после

четвёртой пары. За пределы института я вышла в начале пятого, потому что к преподу была целая очередь из должников; потом ещё сорок минут по пробкам и светофорам, и к дому я подходила уже выжатая, как лимон. Во дворе раздавались звуки суеты, и я, нахмурившись, приложила к замку магнитный ключ, который мне после трудоустройства выдала Марина Владимировна. Суету наводила Барби, собственной персоной: стоя посреди двора, она отдавала приказы разгружающим машину слугам, куда нести все вещи. От количества сумок и чемоданов, мелькавших перед глазами, моё лицо вытянулось, потому что... Они с барином точно здесь вдвоём жить будут, или мы ждём кого-то ещё?

Пока я залипала на весь этот бедлам, ко мне незаметно присоединилась Сашка с термокружкой, из которой тонкой струйкой выходил пар.

– Они переезжают насовсем? – тихо спросила я.

– Вряд ли, – покачала головой та и добавила уже громче, чтобы Барби её точно услышала: – Просто Инга у нас сороконожка, ей одной пары туфель не хватит.

Инга в ответ на шпильку скорчила ехидную гримасу; мне было видно, как от негодования раздувались её ноздри, и для полной картины не хватало только ногой землю загребать – была бы точь-в-точь бык перед красной тряпкой. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что мы во дворе одни, почти_Баринова сложила руки на груди.

– В отличие от Благодетельности, я могу позволить се-

бе такое количество вещей.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кого она имеет в виду, говоря о Благотворительности. С губ сорвался тяжёлый вздох, но не потому, что её слова меня задели, а потому, что мне не хотелось, чтобы каждый вечер в ближайший месяц стали именно такими – наполненные презрением, снисходительностью и злостью. Сашке-то всё как об стенку горох, она ведь сестра Стаса, и тот вряд ли отдаст её на растерзание Инги, а вот меня запросто могут пустить на корм.

– Не обращай внимания, – махнула рукой Саша. – Инга – королева драмы. Она по большей части несёт всякую чушь, и у неё отсутствует кнопка отключения звука.

Я послала девушке улыбку, говоря, что со мной всё в порядке, и направилась внутрь. Валентина Игнатъевна нашлась на террасе, и выглядела она так, словно пряталась от всей этой суеты, и я решила составить ей компанию, несмотря на то, что уже чувствовала голод. Завтра суббота, а это значит никаких пар, семинаров и домашки, так что сегодня я могла позволить себе просто сесть и ничего не делать в течение целых суток. Я надеялась насладиться этой благословенной тишиной хотя бы немного, но у Инги были другие планы.

– О, вот вы где, – с масляной улыбкой обратилась исключительно к Валентине Игнатъевне, будто меня здесь и нет. – Как вы смотрите на то, чтобы сегодня устроить праздничный ужин? В конце концов, мы не так часто собираемся вместе. Соберёмся тёплой компанией, только члены семьи.

Интересно, она специально сделала акцент на последнем слове, или у неё в принципе такая привычка – делать обидные ударения?

– Думаю, это можно устроить, – согласилась Валентина Игнатъевна. – К тому же, повару не придётся сильно стараться для трёх человек.

– Трёх? – растерянно уточнила Барби. – Кто-то не сможет присутствовать?

– Ну, это ведь твои слова «только члены семьи», а ты пока что не входишь в их число – следовательно, по твоей логике на ужине могут присутствовать только я и мои внуки.

Мне пришлось наклонить голову, чтобы скрыть свою широкую улыбку: сказать, что Валентина Игнатъевна уделала Ингу – это ничего не сказать.

– Но ведь я... Это... Ведь мы со Стасом скоро поженимся, к чему все эти условности? – обиженно спросила.

– Вот когда поженитесь, тогда и поговорим, – будто бы мягко улыбнулась хозяйка, но я видела, как блеснули хитринкой её глаза. – Или, если ты сама хочешь присутствовать за моим столом, нужно пригласить всех, кто в данный момент имеет отношение к этой семье.

Просто шах и мат.

Сложно было не заметить косой взгляд Барби в мою сторону, которая пытаясь скрыть досаду оттого, что не удалось спровадить меня, но у неё плохо получилось. Мне не очень хотелось сидеть с ней за одним столом, но я осознавала, что

это всего лишь моё упрямство; в конце концов, делить нам с Ингой нечего, и чем раньше она это поймёт, тем быстрее отцепится от меня.

На оставшиеся два часа до ужина Валентина Игнатъевна отправила меня принять душ и передохнуть – наверно, у меня поперёк всего лица было написано «Устала». Правда, я только и успела завернуться в халат, выйдя из душа, когда в мою комнату ворвался кудрявый вихрь.

– Это правда? – с порога налетела на меня Сашка.

– Зависит от того, что ты имеешь в виду, – обескураженная её неожиданным появлением, ответила я.

– Инга снова задрала свой мерзкий нос выше крыши?

– Если ты уже сама всё знаешь, зачем спрашиваешь?

– Знаешь, она почти каждый день даёт мне причины не желать их с братом свадьбы. Кому нужна такая невестка?! Мои родители наверняка в гробу юлой вертятся...

– Ты-то чего переживаешь? – фыркнула в ответ. – Не тебе же мучиться с ней.

– Ну, знаешь... Брата-то всё равно жалко. Каким бы ни был его характер, он в своей жизни добра сделал больше, чем дерьма, и не заслужил такое наказание.

Конкретно я от него добра ещё не видела, но если брать в расчёт рассказы Валентины Игнатъевны о нём и отношение Саши, то у меня не было причин сомневаться в его порядочности. Однако на моё «Противоположности притягиваются» бабушка всегда отвечала «Подобное притягивает подобное»,

так что я не знала, какой постулат принять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.